

В О Е Н Т О Р Г

СКЛАД №1

Рафаэль Дамиров

9

КУРСАНТ

НАЗАД В СССР

Курсант: Назад с СССР

Рафаэль Дамиров

Курсант. Назад в СССР 9

«Автор»

2023

Дамиров Р.

Курсант. Назад в СССР 9 / Р. Дамиров — «Автор»,
2023 — (Курсант: Назад с СССР)

СССР 1986 год. Грядет эпоха "перестройки". Андрей Петров, работая в межведомственной следственной группе Горохова, стал лучшим специалистом по розыску серийных убийц в Союзе. Ему поручают новое запутанное дело. Вот только следователь Горохов уже на пенсии. Книга содержит нецензурную брань

© Дамиров Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рафаэль Дамиров

Курсант: назад в СССР 9

Глава 1

Год спустя, Москва, июнь 1986-го

Подмосковный дачный поселок на Рублево-Успенском шоссе дышал свежестью после летнего дождика. Здесь пока еще не обосновались олигархи и депутаты, хотя некоторые дачки не уступали по феешенебельности коттеджам будущего. Строились, однако, они на государственные деньги и выдавались партийцам, артистам, выдающимся спортсменам и прочим деятелям искусства.

Моя «Волга» остановилась возле неприметного домика, который резко контрастировал с солидными строениями-соседями.

– Хозяева! – я заглянул во двор через низкий заборчик. – Есть кто дома?

На огороде ковырялась средних лет женщина с узлом волос на макушке, увидев меня, он вытерла руки о передник:

– Андрей! Это ты?

– Он самый, – я распахнул калитку и вошел. – Привет, Лен, а где муж?

– Привет! Давно тебя не видела. Со свадьбы еще своей, наверное. Никита на речке, рыбу удит. Должен уже вернуться. Утренний клев дано прошел, вот сама жду. Да ты проходи в дом. Что встал, как не родной? Чаю будешь? Или что поплотнее? Картошечку на сале пожарю. Я мигом! С зеленым лучком и укропчиком. Вкуснотища!

– Спасибо, Лен, я тороплюсь. А вот мужа мне твоего надо повидать. Где там эта речка или пруд?

– Ну вот, только появился, сразу – тороплюсь. Да я ж откуда знаю его места рыбные?

– И много рыбы приносит? – поинтересовался я новым увлечением своего бывшего шефа.

– Да какая там рыба? Так, трех пескарей притащит для кота. Ты бы чаще к нам заглядывал, Андрей, а то Никита последнее время хмурый какой-то ходит. Видно, что по работе скучает.

– Я вот как раз по этому поводу и пришел.

Тут Лена уперла руки в бока и резко сдунула со лба выбившуюся прядь:

– Только не говори, что будешь убеждать его на службу вернуться. Не пущу!

– Эх, Леноч... Рожденный волком рыбу удить не должен. Не клеится у нас работа без любимого шефа.

– Так ты же сейчас руководишь межведомственной группой? Как так – не клеится?

– Формально я, а на бумаге – нет. Следователь всегда старший. Отказался я от должности следака, не мое это, в кабинете бумаги подбивать, мне простор нужен. Дали нам следователя, толкового, вроде, но все не то. Нет в нем жилки сыщика, как у Никиты Егоровича. Дела клепают он грамотно и в срок, и даже версии следственные сносные строит, вот только группа теперь наша, чувствую ослабла... Без муженька твоего. Авторитета, наверное, не хватает.

Но задобрить супругу Горохова комплиментами не удалось. Она только грознее нахмурилась.

– Никита только два месяца как спать нормально стал, – всплеснула руками хозяйка, – просыпался раньше и бормотал какую-то чушь про следственные действия, запросы и обыски. А ты его опять хочешь в этот дурдом засунуть? Ну уж дудки!

Я постарался не ухмыляться, услышав такие интимные детали про Никиту Егоровича. Я тоже мог проснуться, сжимая руку – будто держал в ней пистолет и уже готов нажать на спуск. Правда, мне всегда казалось, что в этом нет ничего такого.

– Ну ты же сама в погонах, Лен. В канцелярии работаешь, столько людей через тебя проходит, все видишь, все понимаешь.

– Потому и против, что все понимаю. Мне до пенсии еще пахать и пахать, а Никита свое отработал. Сполна долг Родине отдал. Все, баста. Пусть теперь Родина ему воздает.

– Не может Родина без него, ты уж прости... – улыбнулся я. – Да и мы, признаться, не можем. Ну, так что? Чай будет?

Возмущение Лены было праведным и бурным, но не погонит же она меня со двора. Впрочем, убедиться в этом я не успел, потому что сзади скрипнула калитка.

– Андрей Григорьевич! Ты ли это? – Горохов стоял в резиновых сапогах, в белой кепке, с бамбуковой удочкой и бидоном. На сияющем лице – недельная щетина.

Никогда не видел его небритым. Всегда холеной физиономией сверкал, а тут в мужика-дачника обратился. При взгляде на него во мне зародились сомнения, но бросать задуманное так уж сразу я не привык.

– Никита Егорович! – я повернулся и поспешил навстречу к бывшему шефу. – А женитьба вам, смотрю, на пользу пошла. Живот отъели и щеки солиднее стали.

– Так это я курить бросил, – Горохов поставил свои хохоряшки на землю и заключил в объятия, похлопал по спине. – Ну как вы там? Рассказывай. Когда майора получишь? В квартире-то новой обжился?

– Никита, – запричитала его супруга. – Представляешь, Андрей тебя пришел обратно на работу звать. Я уже сказала ему, что ты не согласен. Тебе ведь хорошо со мной? Правда? Зачем тебе эта нервопрепка. У тебя давление.

– На работу? Меня? – Никита Егорович запнулся о бывалого вида бидон, который поставил под ногами.

Тот опрокинулся на землю, и из него вывалилась горсть неказистых рыбешек. Они били по земле хвостами и шевелили жабрами.

– Да какая мне работа? – пожал плечами отставной следователь. – У меня огород, рыбалка. Я вот яму под новый туалет выкопал. Осенью абрикосы посажу. И поливать тут надо почти каждый день. Жаркое нынче лето...

– Вот и я говорю, Никита, ты свое отслужил, теперь ради себя пожить надо.

– Да я ж не настаиваю, – хитро улыбнулся я, уловив грусть в глазах Никиты Егоровича. – Мое дело – предложить. Просто новый следователь у нас – знаете, не чета вам. Сложные дела не тянет. Как статист больше работает. Допрос зафиксировать, постановление на обыск выписать – это он, конечно, мастак. Мужик добросовестный, но для ловли маньяков – тут другой навык нужен. Чуйка профессиональная и стержень внутренний. И мышление другое, не закоснелое...

– Маньяков? – в глазах молодого пенсионера проскользнул огонек азарта, будто бывалой гончей сказали про намечающуюся охоту. – Каких маньяков?

Никита Егорович спешно скидал рыбех обратно в бидон и вопрошающе на меня уставился.

– Да разных... За этот год мы двоих поймали. Но они простенькие были. Один каннибал даже, представляете? Засолки из человечины делал.

– Господи, – охнула с порога уже почти вернувшая в дом Лена. – Что за жуть.

Я понимающе кивнул и продолжил:

– Оба они без особого «творчества» к делу подходили. С ними проблем не вышло. А вот который новый, в Михайловске объявился. Тот совсем зверь. Чувствую, тяжело нам с ним придется. Улик нет, свидетелей тоже. Осторожный, гад.

– Сколько трупов? Кто жертвы? Какой способ убийства? – закидал меня вопросами Горохов, потирая руки.

Казалось, сейчас он достанет свой старый истрепанный командировками блокнот и будет все записывать, а затем раздаст всем указания и закончит «планерку» своей коронной фразой: «За работу, товарищи».

– Да что я все о работе и о работе? – развел я руками. – Вы уже далеки от этого, расскажите лучше про абрикосы. Думаете, они здесь приживутся?

– Да черт с ними, с абрикосами, – Горохов сунул руку в карман, будто искал пачку сигарет.

Опомнился и махнул рукой:

– Рассказывай уже, Андрей Григорьевич, про убийства. Может, подскажу чего... Так сказать, помогу дистанционно.

– Да не хочется вас нагружать на отдыхе, – прищурился я. – Да и Елена вон косо на меня поглядывает. Можно понять.

Горохов повернулся к жене:

– Солнышко, иди в дом, поставь чайник. А лучше картошечки пожарь, мы тут пока с Андреем пообщаемся.

– Знаю я ваши разговоры, – всплеснула руками Лена. – Опять про работу трындеть будете... Ведь только спать нормально стал.

– Спать я стал нормально, – сокрушенно кивнул головой шеф. – Вот только сны теперь не вижу. А как же без них? Без мечты никак нельзя... Иди в дом, собери на стол. И лучку зеленого сорви и редисочки.

Ворча что-то себе под нос, Лена скрылась в деревянном домике, швырнув на перила крыльца передник.

– Да ты не обращай внимания на нее, – кивнул вслед жене Горохов. – Так-то она тебя уважает. Но сам понимаешь, что бабе домашний мужик нужен. Чтобы на работе не ночевал и под боком всегда был.

– А вы как время проводите на пенсии? – поинтересовался я. – Пиво с раками? Банька?

– Да одному как-то не в радость такое, – вздохнул следователь. – По первости даже в гараж ходил, с мужиками выходные за рюмкой чая проводить.

Я поднял брови.

– Вы купили машину? Поздравляю.

– Да зачем мне машина? – поморщился Никита Егорович. – Куда мне на ней ездить? Я гараж купил специально для времяпровождения, так сказать. Чтобы влиться в местную кооперативную братию.

– И как? Влились?

– Да ни черта не вышло, там все по одной схеме. Выпили, не закусывая после первой, обсудили как лучше менять шаровые на «Москвиче», снова выпили, обсудили своих начальников, какие они все дураки. Потом разговоры про баб. Мол, дуры они, что таких мужей, как они, не ценят. К вечеру после поллитра на грудь каждого – разговоры про политику, какой, мол, Горбачев молодец, с Рейганом в переговоры вступил, теперь с Америкой все у нас хорошо будет. Еще и ядерное оружие собрался ликвидировать во всем мире, – Никита Егорович вздохнул. – Скучно, в общем, мне с ними, задыхаюсь я, как та рыбешка, что из бидона вывалилась. Да и не разбираюсь я в политике, как слесаря и электрики. Вот и не прижился в их честной компании. Был там еще один человек, с которым поговорить можно было, ученый какой-то. Кибернетик, что ли. Что за наука такая, в толк не возьму. Так его вообще из гаражного братства вашей выгнали. Пустобрехом оказался. Представляешь, заявил, что в январе этого года вирус особый появился. От которого компьютеры болеют, а не люди. Во дает, ха! Во выдумал! Машины вирусами болеют. С виду специалист, а такие выдумки... Да пустое все это, – немного

выговорившись, Горохов махнул рукой. – Ты лучше расскажи, что за маньяк такой объявился в Михайловске?

Я немного помолчал, дабы не выпаливать все сразу, а потом аккуратно изложил:

– Пока непонятно, – мы сели на лавочку в тени. – Убивает мужчин. Не гопоту какую-нибудь, а вполне себе самодостаточных. Три трупа. Инженер, работник горкома, и даже пожарный есть. Ничего общего между жертвами нет, уже проверяли.

– Способ убийства? Ножом?

– В том-то и дело, что голыми руками.

– Как это?

– Подходит сзади, бросает на землю, сильно так швыряет. Отчего жертва получает переломы, а потом он ее – то есть, его – и душит.

– Удавкой?

– Нет, странгуляционной борозды на горле не остается. Скорее всего, каким-то удушающим приемом.

– Дела... Рэмбо, что ли там объявился? Смотрел фильм такой? Могу дать видеокассету.

– «Первую кровь»? Конечно, смотрел. Но Рэмбо за справедливость боролся. Против американской военщины. А тут мотив совсем не ясен.

– Раз мужиков убивают, значит, логичнее предположить, что это баба все проворачивает, – стал разрабатывать версию Горохов. – Но тут нестыковка в способе убийства. Баба мужика не швыряет об землю. Интересная загадка.

Горохов встал с лавки и начал мерять садовый участок шагами, прохаживаясь взад-вперед, будто очутился в родном рабочем кабинете, погрузившись в очередное расследование.

– Может, ограбление? – предположил он дальше. – И работает гоп-стоп команда, а не один человек?

– Кошельки, часы у жертв не тронуты. У одного даже кольцо золотое было в кармане пиджака, как выяснилось, он его для любовницы прикупил. Поэтому грабеж опадает. Можно предположить, конечно, что забирают что-то другое, более ценное, чем получка в кошельке или колечко, но тогда зачем убивать? Света сказала, что работает явно психопат. Зацикленный на убийстве, так сказать, врукопашную. Дескать, силу свою показать хочет, превосходство.

– Действительно, интересный случай, да-да, – Горохов зажевал губу. – И потом, маньяки обычно женщин и детей убивают. А мужиков редко. И уж тем более не избирательно. А тут жертвы только мужского пола, да еще и уважаемые члены общества, как я понял, – следователь остановился, посмотрел мне в глаза, хитро прищурившись. – А Светлана Валерьевна как поживает? Поди уже детишек заделали?

– Встречаемся, – уклончиво ответил я, но отвертеться от подробностей не получилось.

– Как это? Вот что за молодежь пошла такая нерешительная? – всплеснул руками Горохов. – Я думал, что это вы меня на свадьбу не пригласили, даже обиделся немного, а ты, оказывается, резину тянешь.

– Да тут такое дело...

– Только не говори, что характерами не сошлись, – фыркнул Горохов. – Знаю я вас обоих, как облупленных. Пара, что надо из вас получится. Как говорится, веселым пирком да за свадьбу...

– Да нет, все у нас со Светой нормально. Но сейчас я, вроде как, старший группы, а Света у меня в подчинении, получается.

– Ну и что? Везде так. Муж начальник РОВД, а жена – главбух в этом же отделе. Каждый своих родственников подтягивает.

– Нам не разрешили. Ну, как не разрешили, намекнули, что мы группа союзного масштаба, не стоит афишировать свои родственные связи и компрометировать советскую милицию, а то, дескать, выглядит со стороны, что в группу попадают не лучшие сотрудники, а как

вы и сказали – жены, кумы да кореша. Да и Свете не хочется чувствовать себя ущемленной. Чтобы косо не смотрели и пересуды не распускали, что, мол, на такую должность благодаря муженьку своему залезла. Предложили ей перевестись, если расписаться захотим, да только она, сами представляете, без этой работы себя не мыслит. Восемь лет ведь уже все вместе работаем. Только вот вы выбыли...

Я позволил себе драматическую, почти мхатовскую паузу – стоял и смотрел вдаль.

– А я вам зачем? – стал набивать себе цену следовательно. – Ты сейчас главный, тебе и карты в руки.

– Я нападающий, не капитан. А нам нужен капитан в команду. Весомый такой, и чтобы ворота мог защитить в случае чего, перед Москвой прикрыть.

– А что? – оживился Горохов. – Вас пытались опять расформировать?

– Ходили слухи, что могут. Слишком долго мы дела раскрываем. Последнего каннибала полгода не могли поймать. Потому что нет должного мозгового центра у нас, как раньше.

При этих словах Горохов приосанился:

– Да, это непросто. Ну, ничего, ваш новый следователь опыту наберется, просто молодой еще.

– Да какой он молодой, целый советник юстиции. Просто нет у него блеска в глазах, как у вас. Работает, лишь бы принудку отбыть.

– Так воспитывай, – довольно крякнул Горохов. – Проводи беседы, научи, заставь.

– Научить можно бумажки перебирать, а сыщик в душе должен быть сыщиком. Сами знаете. Так что бросайте, Никита Егорович, яму туалетную, гараж, рыбалку и прочих пескарей и возвращайтесь на службу.

Горохов старательно приглаживал лысинку:

– А что я Лене скажу? И потом, кто меня обратно возьмет? Возраст, однако.

– Возьмут, я уже узнавал. Восстановят и должность, и классный чин. Согласие только ваше нужно. А то, боюсь, без вас долго будем ловить этого Михайловского убийцу. И если ещё дольше, чем с каннибалом выйдет...

– Ну, озадачил, Андрей Григорьевич, мне надо подумать, – Горохов так яростно перебирал пуговицы на своей рубашке, что одна из них не выдержала экзекуции и оторвалась. – На семейном совете обсудить все, так сказать. Такие решения сразу не принимаются. А туалет мне достроить надо, кровь из носу. И душ уличный поставить. Я вон и бочку прикупил для него у соседа.

– Ну, вы думайте, Никита Егорович, – подмигнул я. – А я пока в машину схожу.

– Зачем это?

– Увидите...

Я действительно ушел, вытащил из «Волги» папку и вернулся. Развернул бумаги и протянул Горохову.

– Что это? – он пробежал по строчкам глазами.

– Проект приказа о вашем восстановлении в должности.

– Как это? – глаза его моргали часто, а сам он еле сдерживал приступ внезапной радости. – Я же согласия своего не давал. Что это значит?

– Ничего страшного, что не давали, – я перелистнул листок и ткнул пальцем в низ документа. – Вот здесь подпись поставьте свою и дату задним числом. Больше от вас ничего не требуется. Остальное я сам все сделаю.

– Так вы что? За меня все сами решили? – Горохов изобразил возмущенный вид, но это особо у него не получилось. Потому что выглядел он так, будто получил дорогой подарок.

Он взял авторучку, крякнул и размашистым росчерком поставил свою подпись, на секунду даже ей залюбовался, давненько никаких документов не подписывал.

– А если бы я не согласился? – уставился он на меня. – А проект приказа уже готов.

– Так согласились же, – улыбнулся я. – Я же вас тоже знаю. Как вы говорите – облупленного.

– Обедать идите, – на крыльце выросла Лена с полотенцем наперевес.

– Солнце, – Горохов виновато опустил глаза. – Мне в понедельник на работу надо...

– Спасибо за приглашение, – кивнул я застывшей на крыльце Лене. – Но мне пора. До свидания, я тороплюсь.

Я поспешил убраться с участка. Сзади доносились охи-вздохи Лены и оправдывающееся бормотание Горохова:

– Ну, Леноч, ну сдохну я на этом огороде. Не мое это – с рассадой возиться и теплицу собирать. А там, ты знаешь, такое... А давление я проконтролирую!

Глава 2

Москва, Петровка 38, кабинет межведомственной следственно-оперативной группы

– Он точно придет? – Федя ерзал на стуле и поглядывал на часы. – Уже полчаса как рабочий день начался.

Его беспокойство передалось и Каткову. Алексей раздувал щеки и вздыхал.

– Придет, – заверил я. – Вы же знаете нашего шефа. Не сможет он отказаться от такого предложения.

– Но он никогда не опаздывал, – Погодин встал и глянул в окно, высматривая шефа. – Ни разу в жизни я не видел, чтобы он задерживался.

– Сядь, не мельтеши, – поморщился я. – Я же говорю, придет.

– Андрюха, скажи, а он сразу согласился? – не унимался Федор. – Что сказал? Даже время на раздумья взять не захотел?

Оставалось только головой покачать.

– Захотел, только я не дал. Некогда думать, когда страна в опасности. Сегодня у нас самолет в Михайловск.

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Горохов. Гладко выбрит, как в старые добрые времена, но костюмчик на нем смотрелся уже слегка тесноватым. Лицо довольное, но красное, как вымпел, и на лбу испарина.

– Здравствуйте, товарищи! – Горохов широко улыбнулся и поставил на стул какую-то самошитую из лоскутов котомку.

– Никита Егорович! – Федя бросился к шефу, схватил его руку и стал трясти. – А мы уж думали, вы не придете! Откажетесь от должности! А вы пришли. Ура!

– Ну, куда я без вас? – пожал плечами Горохов. – Опоздал малость. С утра курицы соседские в огород наш залезли. Пока всех изловил да через забор перекинул, час потерял. Представляете? Они весь горох выклевали, что Лена посадила. А еще с утра галстук никак свой не мог найти. Ни одного не осталось. Вот нашел кое-как старый. Оказывается, Лена моими галстуками помидоры в теплице подвязывает. Да, что я все о себе, да о себе? Вы-то как? Что нового?

Когда Федя отцепился от шефа, к нему подскочила Света. Чмокнула в щеку и преподнесла маленький аккуратный торт на блюде:

– С возвращением, Никита Егорович, сама пекла. Мы так рады, что вы решили вернуться.

– И я рад, – Горохов немного смущенно взял торт и поставил на стол. – Только это не я решил, а Андрей Григорьевич решил. Его благодарите.

Наконец, и я пожал руку шефу и подмигнул:

– Иногда для наших желаний нужен толчок. Например, проект приказа о восстановлении в должности.

– Ой, точно! – хлопнул себя по лбу Горохов. – Мне же в кадры еще надо съездить. И еще куда-то... Блин, забыл. А! На удостоверение сфотографироваться. И форму получить. Вот подкинул ты мне забот, Андрей Григорьевич, на старости лет.

– Да из вас старик, как из меня канатоходец, – Катков пробился к шефу и было протянул руку, но отдернул ее и обнял Горохова.

– Алексей! – Горохов похлопал его по спине. – Полегче, задушишь старика! Ух, какой ты здоровый стал. Аж щеки со спины видно. Отъел на семейных харчах. Да?

– Да вы тоже, смотрю, не постройнели, – улыбался Катков.

– Да, это я курить бросил, – вздохнул Никита Егорович, – мелком взглянув на свой живот. – Ну, и пирожки домашние, конечно. Кстати! Пирожки будете? С капустой и с ливером. Вот, Лена собрала.

Горохов полез в котомку:

– Еще редиска с огорода. Правда, сорт горький уродился. Говорил я своей, что лучше «Красный великан» садить, а она на базаре купила семена не пойми чего.

Мы прыснули от смеха. Непривычно было видеть матерого следователя, грозу серийных убийц и маньяков, сетовавшим на редиску и с котомкой в руках.

– А ну, цыц, – шеф погрозил нам пальцем, но по-доброму и с улыбкой. – Ставьте чайник, что я, зря эти пирожки через всю Москву тащил? Тортик заодно откушаем.

* * *

г. Михайловск. Аэропорт.

Мы вышли на крыльцо небольшого местного аэропорта. С сумками и рюкзаками. Удобных чемоданов на колесиках еще не было, и приходилось навьючивать поклажу на себя. Мне так вообще досталась двойная «доза». Моя сумка и Светина.

Катков пытел и волочил огромный чемодан с металлическими клёпками по углам.

– Ты куда столько вещей набрал, Алеша? – поморщился Горохов. – Мы же не на курорт приехали, а в Зауралье.

– Да это жена собирала, – обливался потом криминалист. – Сказала, что здесь холода могут быть.

– В июне?

– Ну да, дожди всякие...

– Никита Егорович? – к нам подскочил компактных размеров мужичок в модном, но потертом пиджаке в несуразную клетку.

Ростом неказист, но в плечах и в талии широк, как и подобает мужику средних лет.

Не дав нам вымолить и слова, он схватил руку Каткова и стал ее трясти:

– Рад с вами познакомиться, слышан о знаменитом следователе Горохове.

– Я не... – пробормотал Алексей, но встречающий его перебил, продолжая трясти его руку.

– Честно говоря, я думал, вы постарше будете, Никита Егорович, а вы вон какой молодец. Горохов сзади кашлянул.

Мужичок обернулся и протянул уже ему руку:

– Начальник уголовного розыска Вася Жмых. То есть, Василий Николаевич. Ага, а вы кто будете?

– Горохов Никита Егорович, – шеф с кислой миной ответил на рукопожатие, он был явно недоволен, что Катков теперь выглядел в габаритах солиднее, и его приняли за старшего.

– Ох, ядрён пистон! Простите, Никита Егорович, обознался. Я думал, вы моложе выглядите. А вам на пенсию уже, наверное, скоро можно уйти? Да?

Горохов стиснул руку Васи, тот ойкнул, а шеф пробормотал:

– Пенсия подождет, ведите к машине.

– Да конечно, – начрозыска скакал вокруг нас, как мячик для пинг-понга. – Нам туда. Вот, я еще не со всеми поприветствовался. А это, значица, как я понимаю, Андрей Григорьевич Петров?

Вася протянул руку Федору, который, на мою досаду (в пиджаке, по крайней мере) тоже выглядел посolidнее меня. Ему уже тридцатка, и морду лица отъел по возрасту. А я в свои

двадцать пять хоть и выглядел старше, но лишних телесов на бока не нарастил, и фигурой пока оставался моложав и ясен.

– Я Федя, – хохотнул Погодин, – а Андрей Григорьевич вон стоит, с двумя сумками.

– Да что ж такое-то сегодня, – хлопнул себя по широкому лбу Вася и протянул мне руку. – Наслышан, Андрей Григорьевич, как вы Холодильщика поймали. Говорят, вы ему руку отрезали? В схватке? Сильно...

– Это был не Холодильщик, а Зеленоярский Потрошитель. Студент Берг. И он вообще-то сам себе кисть отсек.

– А Холодильщику вы что отрезали?

– Ничего не успел, – усмехнулся я.

– Жаль... А вы, я так понимаю, Светлана Валерьевна? – Вася повернулся к Свете. – Ну вас-то трудно с кем-то спутать в таком суровом коллективе. То есть, мужском. Я вас так и представлял себе. Высокая, красивая, настоящий криминалист.

– Я психолог, а криминалист у нас Алексей.

– А, ну да, точно... – Жмых снова хлопнул себя по лбу. – Кривая кочерыжка! Все напутал. Вы уж простите, товарищи, но теперь я вас запомнил. На всю жизнь, как котка своего. Прошу в машину, товарищи.

Мы подошли к новехонькой белоснежной двадцать четвертой «Волге». Горохов уже потянул руку, чтобы открыть дверь.

– Нет, товарищи, не эта машина, – замотал головой Вася.

Он ткнул пальцем на стоящий рядом 412-й «Москвич» несерьезного пюрешного цвета с пожатканными, как стиральная доска, боками.

– Вот моя ласточка. Прошу!

– Вася... Николаевич, – Горохов все больше и больше напоминал грозовую тучу. – И как, по-твоему, мы должны в ней уместиться? Нас пятеро.

– Ох, точно, – Вася уже занес руку, чтобы хлопнуть себя по лбу, но почему-то передумал, да и лоб уже был изрядно красный. – Я почему-то посчитал, что вас четверо приедет. Оперативник, психолог, криминалист и следователь. Получается, я Федора не посчитал. Ага, точно! Скажите, а зачем вам Федор? Он вообще кто? Кинолог, наверное? Но собаки-то нет с вами.

– Жмых! – туча разразилась громом. – Отставить болтовню! Немедленно организуйте нашу доставку до гостиницы.

– Слушаюсь, Никита Егорович. Так давайте я вас поочередно отвезу. Тут недалеко. Город у нас небольшой, тыщ двести с вами будет.

Горохов вздохнул и огляделся:

– Где тут телефон-автомат?

– Зачем вам?

Я уж думал, Горохов ему сейчас расскажет, почему тут лодка, коза и капуста, но он коротко ответил:

– Такси вызвать...

* * *

До гостиницы мы все же добрались. Хоть и с небольшими приключениями. Федю и Каткова отправили на такси (москвичонок внутри оказался крайне тесным – колесные арки выпирали прямо в салон на заднем сиденье), а я со Светой и шефом поехали с местным начальником угро.

По пути он проскочил на красный, чем смертельно напугал старушку с авоськой на пешеходном переходе. Та швырнула нам вдогонку треугольный пакет молока. Оно растеклось по заднему стеклу белой жижей.

– Народ у нас хороший, – рассказывал про город Вася. – Добрый. Мухи не обидит. Вечером можно спокойно гулять, никто на гоп-стоп не возьмет. Откуда у нас этот маньяк взялся – ума не приложу. Я вот что думаю, может, это пришлый какой? Как и вы, с Москвы приехал. Говорят, в Москве каждый второй с прибабахом.

Теперь уже и мне захотелось дать подзатыльника Васе. Хотя я и не коренной москвич, но как-никак теперь там обосновался. И квартира, двушка, своя есть, государством за «боевые» заслуги выданная.

– Приехали! – Василий, чуть не раздавив нерасторопного голубя, ловко припарковался возле крыльца странного вида пятиэтажки без балконов, из окон которой торчали палки с верёвками для белья. – Вот ваши хоромы!

– Это что? – процедил Горохов. – Гостиница?

– Она самая, – закивал Вася. – Правда, наполовину общежитие. Раньше она вся общагой была. А сейчас даже душ на этаже работает.

И сказано это было так – с гордостью пятизвездочной.

– Твою дивизию, Жмых! – машина аж покачнулась от негодования Горохова. – У вас что? В городе нормальных гостиниц нет? Я же звонил вашему руководству, просил забронировать для нас номера.

– Так руководство мне и поручило вас заселить. Я и подумал, что вам лучше здесь будет. Тут до УВД рукой подать. На автобусе пара остановок, потом с пересадкой на троллейбусе. И вот вы уже вы на работе.

– Бардак! Какой троллейбус? Нам служебная машина нужна. Так! Быстро вези нас к твоему начальству!

После встречи с начальником местной милиции вопрос со служебной машиной и нормальной гостиницей быстро решился.

– Спасибо, Валентин Ефимович, – пожал руку Горохов седому широкоплечему полковнику начальнику УВД. – А то этот негораздок, – он кивнул на Васю, что тёрся в приемной и заглядывал в просторный кабинет через приоткрытую дверь, – чуть старушку не задавил и привез нас, бог знает куда. В общагу какую-то. И зачем вы такого бестолкового на службе держите? Наверное, чей-то родственник? Гнать его надо из милиции вместе с этим самым родственником.

– Василий так-то неплохой парень, – заступился за него полковник. – Просто не освоился еще в новой должности.

– Ага, – прищурился Горохов. – Значит, я угадал, что его родственник протянул? Кумовство в нашей службе вредит работе. Вы все-таки взяли бы под свой контроль этот вопрос.

– Хорошо, Никита Егорович, разберемся. Мой водитель доставит вас в гостиницу «Вымпел». Там приличные номера.

Мы снова погрузились в машину, но уже в нормальную «Волгу». Вася остался в УВД.

– Уважаемый, – похлопал Горохов водителя по плечу, когда машина тронулась. – А у Жмыха есть родственники в милиции?

– У Васьки-то? – мотнул головой водитель. – Конечно, есть. Он ведь племян Валентина Ефимовича. Начальника нашего...

* * *

После заселения в гостиницу «Вымпел» Никита Егорович велел нам выдвигаться в УВД. Хотя работать сегодня мы не рассчитывали. Света приняла душ, я тоже только помылся и хотел уже «обновить» с ней двухспальную кровать, как пришлось одеваться и тащиться на работу. После непродолжительного сидения на пенсии шефу непременно хотелось ринуться в бой с преступностью, сразу и сполна окунуться в ментовскую жизнь.

Катков вздыхал, что даже перекусить не успел, Федя дулся, что только задремал, а его подняли, и мы со Светой тоже не были в восторге от рвения шефа.

Вопреки нашим ожиданиям, кабинет нам выделили вполне сносный. В УВД на первом этаже в следственном отделе. Он был рассчитан на четверых, но мы поместились.

– Повезло вам с помещением, – когда мы заселялись в кабинет, откуда-то материализовался Вася. – У нас так-то с ними не густо. До вас тут четверо сидело. Но две следачки отсюда в декрет ушли разом, один в отпуске сейчас, а четвертый тоже отдыхает. Он ногу сломал. Только смотрите, аккуратнее, – Вася понизил голос. – Репутация у этого кабинета особая. Кто в нем посидит, тот потом беременеет. Через него у нас все сотрудницы в декрет уходят. Кузеванов, начальник следствия, уже за голову хватается, работать некому. Даже Нина Петровна, ей по выслуге на пенсию уже пора, и то – посидела здесь и третьего родила.

– Ну, нам такое не грозит, – хмыкнул Горохов.

– Вам-то да, – хитро улыбнулся Вася, скосив взгляд на Свету. – Светлана Валерьевна, а вы замужем? Хотите, я сегодня вечером вам город покажу. Вечером он, страсть, какой красивый. Если фонари не забудут включить.

– Василий, – я положил руку на плечо балабола. – Шел бы ты в свой отдел делами заниматься.

– Так у меня там зам сейчас рулит. А я к вам руководством приставлен, чтобы ввести в курс дела.

– На сколько дней приставлен?

– Так пока маньяка не поймают.

Мы переглянулись и вздохнули. Никита Егорович скривился, но воздержался от высказываний.

– Ты, вот что, Василий, – сказал он ему. – Раз помочь хочешь, будешь тогда нашим гидом. Вези нас в морг.

– Это еще зачем?

– С судмедэкспертом хочу поговорить и тело осмотреть. Надеюсь, вы его еще не отдали родственникам?

– Не знаю, – пожал плечами Жмых. – Два дня назад только последнюю жертву нашли. Пока вскрытие, пока экспертиза, то да сё. Там еще труп должен быть. Могу узнать.

– Не надо, в любом случае с судмедом переговорить необходимо.

* * *

Бюро судебно-медицинской экспертизы (а в простонародье – морг) оказалось почему-то на территории детской больницы.

Ну хоть в отдельном здании, и то ладно. Хотя, со слов Василия, морг сообщался подземным переходом с больницей. Этим пользовались врачи и пугали нерадивых ребятишек, которые лежали в стационаре, что если они будут плохо себя вести, то ночью к ним придут покойники. Мы не стали высказываться по поводу компетентности местных педиатров, так как рассказы Васи явно нельзя было слепо принимать на веру.

В морг прибыли всем составом нашей группы. Даже Света. Обычно она по таким учреждениям не ездила, но тут случай особый. Жертвы есть, маньяк имеется, а мотив и психотип совсем не ясны. Вот и захотела Света поприсутствовать при разговоре с местным судмедэкспертом.

Мы свободно прошли в здание, первый этаж которого был зашит под самый потолок в блеклый салатный кафель с кривыми швами. Пахло хлоркой и серой. Прошагали несколько пустых кабинетов и очутились в лабораторной части.

Нас, наконец, заметили. Навстречу вышла девушка в безупречно белом халате, стройная и смуглолицая. На фоне затертого кафеля и бетонных полов цвета серой безысходности она смотрелась очень контрастно. Я привык наблюдать судмедэкспертов в облике потёртого вида растрепанных мужиков и ненакрашенных женщин возраста лишнего веса и широкой кормы. А тут вполне себе цаца. Волосы стянуты в конский хвост. Симпатичное лицо, строгое и чуть хмурится.

Завидев ее, Федя чуть раскрыл рот.

– Выдача тел с торца здания! – увидев нас, проговорила она командным голосом.

Глава 3

– Позовите заведующего отделением, – шеф развернул свежее испечённые корочки, показав их медичке, и важно добавил. – Моя фамилия Горохов.

Фамилия должна была произвести впечатление на судмедэксперта, ведь уже не только в узких кругах наша межведомственная группа была широко известна. Газеты пестрели заголовками о деятельности нашего коллектива после каждого громкого дела. Но девица нас не признала.

– Вы из области? Слушаю вас.

– Мы из Москвы, – хмыкнул Горохов. – В удостоверении же написано.

– Я в ваших удостоверениях не разбираюсь. Так что вы хотели?

– Я уже озвучил свою просьбу, – в голосе Никиты Егоровича появились нотки раздражения. – Немедленно позовите главного. Дело срочное.

– Я и есть заведующая отделением. Титова Вера Павловна.

Никита Егорович на секунду раскрыл рот, признаться, и я был удивлен, что такая молодая-зеленая – и уже в начальство выбилась. Сколько ей? Лет двадцать пять, может, двадцать семь? Где-то так.

– Замечательно, – шеф подобрал челюсть и вошел в русло делового разговора. – Мы расследуем убийство Бочкина, того, которого два дня назад вам привезли.

– А, этого пожарного, – кивнула Вера. – Я лично его вскрывала.

– Отлично, мы хотели бы осмотреть тело, и расскажите нам подробно причины смерти. И все, что может быть полезным для следствия.

– Тело в холодильнике, пройдемте, – Титова уверенно зацокала каблучками к дальнему ответвлению коридора.

Даже халат не смог скрыть перекаты ее упругих ягодичек. Девка явно со спортом дружит. Света, заметив мой взгляд «не туда, куда надо», одернула меня за руку и гневно зыркнула.

– Это у меня профессиональное, – шепнул я в оправдание и улыбнулся. – Людей при первом знакомстве разглядывать, чтобы понять, что они собой представляют.

– Еще раз увижу, что на задницу пялишься, профессионал, – прошипела она мне на ухо, – в отдельный номер переедешь.

Мы приблизились к непомерно широкой двери, обитой крашеной жестию. Сбоку на стене плакат: «Уходя, гаси свет!» с изображением тети с мужиковатым лицом, которая грозилась пальцем.

Титова распахнула дверь. Комната-холодильник оказалась без изысков. Это в фильмах «картотека трупов» в моргах устроена в виде штабелей удобных выкатных ящичков. А тут все по-простому. Помещение без окон. На потолке – ржавые трубы. Все заставлено каталками, на которых покоятся усопшие. Запахло формалином и тухлятиной. Далеко не все тела были первой свежести.

Внутрь заходить, естественно, никто не захотел. Титова вошла одна. Взяла каталку с нужным телом, накрытым простыней, и потянула ее к выходу. Перешагнула через истерзанный временем деревянный порог. Скрипучие колесики уперлись в преграду и никак не хотели пере-скакивать.

Девушка откатила тележку чуть назад, чтобы взять небольшой разгон, но к ней подскочил Федя:

– Позвольте, Вера Павловна! Я помогу.

Он отважно взялся за ручки облезлой каталки и, стараясь не смотреть внутрь комнаты, где в мрачном холоде сгрудились подобные же тележки с трупами, с силой дернул ее на себя.

Тележка перескочила через порожек, колеса ее завернулись, и она вплотную приблизилась к Погодину. Труп вытащил синюшную руку из-под простыни и ударил по бедру Федю.

– А-а! – тот отскочил в сторону, как ошпаренный.

Мы тоже вздрогнули. Хотя, конечно, это просто рука от тряски выпала, а не мертвец ожил. Но Федя, так старательно изображавший смелого джентльмена, теперь прилюдно сконфузился. Титова глянула на него снисходительно:

– Что вы кричите? Это вам не поликлиника. У нас пациенты всегда спокойные.

– Мне показалось, что он меня схватил, – Федя ткнул пальцем на свисающую руку.

– Трупное окоченение прошло, вот он и «шевелится», – поморщилась медичка.

Она, не церемонясь, сдернула простынь прямо в коридоре, не утруждая себя откатить тело в смотровую.

На листе из нержавеющей стали лежал голый мужик комплекции далеко не маленькой.

Брюшная полость и грудина уже были достаточно аккуратно зашиты после вскрытия. На черепушке, словно кусочек из пазла, присобачен фрагмент лобно-теменной кости. Как он там держался, я не понял. Казалось, если еще раз тряхнуть тележку, то он отвалится.

Света поморщилась и отвернулась. Федя же, чтобы реабилитироваться, даже подошел поближе, но держался бочком, в стороне от грозно свисающей руки.

– Причина смерти – асфиксия, – голос медика стал занудно-лекторским. – Судя по обширности гематом, повреждению кадыка, удушение было произведено, предположительно, захватом руки, плечом и предплечьем. Как видите, следов от веревки, удавки, или другой петли – на шее нет. Кроме того, обратите внимание на левую боковую поверхность туловища и левой ноги. Обширные гематомы от удара тупым предметом или от удара об таковую образованы примерно в одно время с временем смерти.

– Они могли образоваться от удара об асфальт или землю? – спросил Горохов внимательно разглядывая тело.

– Да, – кивнула судмед. – Кроме того, имеются подтверждающие это травмы. Перелом тазовых костей слева.

– То есть, его хорошенько приложили о землю, а потом задушили? – уточнил следователь.

– Скорее всего. Это похоже на борцовский прием. Например, бросок через бедро.

– Вы разбираетесь в борьбе? – спросил Федя с улыбкой, маскируя флирт под деловой вопрос.

– Немного. Занималась раньше, в студенчестве, спортом разным.

– Не думал, что такие хрупкие девушки спортом занимаются.

– Это в прошлом, – отмахнулась судмед.

Но Погодин от этого не перестал загадочно (как ему, видимо, казалось) улыбаться.

Теперь ясно, откуда у Титовой такая задница. Все-таки спортсменка. Еще и комсомолка, наверное – в общем, Федя, похоже, крепко запал.

– У остальных жертв тоже подобные повреждения? – спросил я. – С ними тоже вы работали?

– Да, переломы различной локализации, но тоже все слева.

– То есть, убийца, – я задумчиво почесал гладко выбритый подбородок (Света теперь заставляла бриться каждый день), – применяет свой, так сказать, коронный борцовский прием. Отточенный до автоматизма, который никогда не даст сбой?

– Верно, – кивнула медичка. – Похоже, что он не вступает в открытую схватку. Повреждений на лице или где-то еще нет. Только на левом боку. Убийца, скорее всего, нападает неожиданно, заставляя жертву врасплох. Я это так представляю.

– Ну, да... Никто не ожидает, что проходящий мимо прохожий может шваркнуть тебя об асфальт, – попытожил я. – Но почему они потом не сопротивляются? После броска? Дают покойненько себя придушить? Странно...

– Скорее всего, после полученных травм потерпевшие находятся в болевом шоке. Беспомощны. А может, и сопротивляются, просто убийца гораздо проворнее их. После броска берет их на удушающий и добивает.

– Станный способ убийства, – поморщился Горохов. – Совсем не тривиальный. Почему не нож? Или обломок кирпича, на худой конец?

– Мне кажется, что убийца хочет показать свою силу, – вмешалась Света. – Это видно даже по выбору жертв. То есть, вы понимаете, это же мог быть кто угодно. А что мы видим? Все трое погибших – крепкие мужчины. Нападает он ночью на одиноких прохожих, но выбирает именно таких. Только не понятно, почему.

– Может, мстит? – предположил Никита Егорович.

– Возможно, – кивнула Света. – Нужно будет проверить, что общего у троих погибших.

– Уже проверяли, – сзади нас неожиданно нарисовался Вася Жмых.

Вот паразит! Все-таки за нами увязался. Мы приехали на своей машине, его с собой не взяли. Велели ему ждать нас в УВД и заниматься бумажками, а он все равно приперся в морг.

– Василий, – Горохов недовольно зыркнул на него, – я же тебе сказал информацию собрать на всех ранее судимых за убийства. Какого рожна ты здесь делаешь?

– Так все готово, Никита Егорович! – развел тот руками.

– Так быстро?

– Так я своим поручил это еще вчера сделать, информация у вас в кабинете на столе. Вот, пришел вам доложить.

– Ладно, – смягчился Горохов. – Что еще наработали?

Василий, воодушевленный, что теперь все внимание – к его персоне, даже приосанился и одернул пиджак в дурацкую клетку:

– Не похоже это на месть.

– Почему? – следователь уставился на своего нового подчиненного уже с интересом.

– Потому что, все-таки, жертвы случайные. Не мог убийца их так выследить красиво. Первый убитый – на работе задержался допоздна. Нечасто он так делал. Второму вдруг приспичило среди ночи во двор спуститься к машине своей, по показаниям – он в ней кошелек забыл, на видном месте, на переднем сиденье, побоялся, что стекло разобьют и украдут. Третий от любовницы домой возвращался, пока жена на смене была. Получается, что знать наверняка, когда жертвы выйдут ночью на улицу, никто не мог. Если, конечно, круглосуточно за ними не следить.

А Вася не такой уж дурачок оказался, мыслит дельно. Я одобрительно кивнул:

– Версию слежки нельзя исключать на все сто, но тут я согласен с Василием Николаевичем. Жертв маньяк, скорее всего, подбирает стихийно, но избирательно. Убивает только мужиков. Причем не алкашей, на которых возле гаражей можно легкую охоту открыть, а вполне себе состоявшихся граждан. Как сказала Светлана Валерьевна, выбирает сильных, чтобы победа не казалась фальшивой.

– Такое поведение не подходит под типичного маньяка, – продолжила мою мысль Света.

– Почему? – спросил Вася.

– Стремление убивать у типичного маньяка сопряжено с сексуальным желанием. Маньяк обычно глумится над жертвой, таким образом достигает сексуального удовлетворения. Они чувствуют уверенных людей. Таких, кто может дать отпор, и на таких избегают нападать. А тут – обратная картина. Никакого сексуального подтекста, и жертвы достаточно сильные и уверенные, судя по профессиям, люди.

– Может, это не маньяк вовсе? – предположил Горохов. – Серийный убийца без мании и без всяких психологических закидонов. Просто холодный расчет.

– Тогда каков мотив? – пожал плечами Света.

– Вот это нам и предстоит выяснить, – Горохов что-то тем временем записал в своем блокноте.

Я обошел каталку с трупом с другой стороны.

– А почему у трупа на правом плече вырезан лоскут кожи?

– Все-то вы увидите! – улыбнулась мне медичка. – Я до этого еще не дошла. Это самое интересное. Извините, вас как зовут? Лицо мне ваше почему-то знакомо.

– Петров Андрей Григорьевич, – улыбнулся я в ответ, ловя на себе косые взгляды Светы.

– Петров? – оживилась девушка, официоз в ее голосе вдруг исчез, она с нескрываемым интересом уставилась на меня. – Случайно не тот самый Петров, который возглавляет спец-группу по розыску маньяков?

Теперь уже косые взгляды на меня кидал Горохов.

– В нашей группе старший Никита Егорович, – кивнул я на следователя, который недовольно закряхтел.

– Извиняюсь, но про Никиту Егоровича я ничего не слышала, а про вас в «Комсомольской правде» читала. Там и фотография ваша даже была. Признаться, восхищаюсь вашими методами работы.

– Спасибо.

– Рада лично с вами познакомиться, – Титова кокетливо протянула мне руку, я пожал ее, а девушка, не обращая внимания на присутствующих, будто мы были одни, спросила. – В какой гостинице остановились? Раньше не были у нас? Могу устроить вам экскурсию по городу.

Света протиснулась между нами и отгеснила медичку в сторону:

– Нам не до экскурсий, Вера Павловна. Вы немного отвлеклись от темы. Что там про лоскут кожи хотели рассказать?

Психологиня прожигала судмеда взглядом. Та, повернувшись к Горохову, заискивающе улыбнулась:

– Извините, я просто не думала, что Андрей Григорьевич приедет в наш город.

– Ну, почему же? – вмешался Федя. – Мы всегда там, где маньяки обитают. Андрей со мной в паре всегда работает. Уже восемь лет как. Меня тоже в газете упоминали.

– Не сомневаюсь, – Вера не удостоила Федора даже взглядом.

Она подошла к трупу там, где была отметина на плече, и продолжила:

– На правом плече каждого убитого обнаружена имитация татуировки в виде головы волка.

– Как это – имитация? – почти в голос спросили мы.

– Чем-то нарисована, ненастоящая. Еще не выяснили природу красящего вещества. Я для того и вырезала лоскут кожи и отправила химикам.

– А на прошлых трупах? – спросил Горохов. – Выяснили?

Титова очень серьезно покачала головой. Отвечала она ровным голосом, почти не меняя темпа речи – наши вопросы не ставили ее в тупик. Несмотря на явно не очень большой опыт работы, она будто уже наперед знала всё, что мы будем спрашивать. Да, ее удивило, что я заметил срез на плече, но дальше все снова шло так, как она могла ожидать.

– Следователь, который вел расследования, не посчитал это важным для дела и не назначил соответствующую экспертизу. Хотя я следователю говорила, что неплохо бы химикам отправить и провести соответствующий анализ. Он не внял моим замечаниям. Вы же знаете, что эксперт не может самостоятельно отбирать материал для исследования и ставить в экспертизе себе соответствующие вопросы на разрешение.

– Бардак, – фыркнул Горохов. – Это же «фирменный» знак, который оставляет убийца на своих жертвах. Неужели местные следователи настолько недалеки?

– Когда обнаружили изображение на первом трупе, мы вообще приняли его за настоящую татуировку, – пояснила Титова. – Родственники при опознании ее не заметили, соответственно, вопросов не задавали. Но когда появился второй труп с такой же псевдотатуировкой, мы ее уже сфотографировали и приложили к экспертному заключению. Ну, а теперь на третьем такую метку обнаружили, и все-таки наша прокуратура сподобилась назначить химическую экспертизу.

Эксперт легонько развела руками, чуть улыбаясь своей правоте.

– А можно посмотреть на этот самый рисунок? У вас же должен храниться второй экземпляр заключения по прошлому трупу.

– Да, конечно, мы их еще не подшили в номенклатуру, в кабинете у меня лежит, – Вера зашла в одно из ближних помещений, слышно было, как она там перебирает бумаги.

Через минуту вынесла нам стопку листочков, скреплённых скрепкой.

– Вот, – она отлистала до нужного места, туда, где была фототаблица (приложение с вклеенными черно-белыми снимками, каждый из которых отмечен по углам оттиском печати).

На одном из снимков было четко видно правое плечо трупа. На плече красуется оскаленная волчья голова. Нарисована схематично, в несколько штрихов, но злобный хищник легко узнаваем.

– Жуткая татуировка, – закивал Вася.

– Жмых? – повернулся к нему Горохов. – Ты почему нам про рисуночки эти ничего не доложил?

– Так не я занимался этими делами! Это сейчас их объединили. Когда третью жертву нашли – и еще один, как вы говорите, рисунок. А так считали, что убийства не связаны.

Горохов лишь пренебрежительно поморщился, но костерить местных сыщиков не стал. Чем бледнее они выглядят, тем ярче мы на их фоне.

– Спасибо, Вера Павловна, за познавательную консультацию, надеюсь, все, что вы рассказали, будет отражено в заключении. Кстати, когда оно будет готово?

– Уже завтра, – кивнула медичка. – И стрельнув в мою сторону глазками, спросила. – Никита Егорович, ну так что? Нужна вам экскурсия по городу?

– Конечно, – воскликнул Федя.

– Нет, – отрезала Света.

Сказали они это одновременно, а Горохов улыбнулся:

– Вот поймаем вашего маньяка, тогда и покажете город. А сейчас работы много. Спасибо.

Мы вышли из морга. Процессия чуть впереди, а мы со Светой отстали. Взялись за руки. Чирикали птички, летний ветерок приятно трепал волосы. В такую погоду совсем не хочется работать. Сейчас бы «Жигулевского» бидончик, вяленого леща и «в школу» не пойти.

– А зря Горохов от экскурсии отказался, – проговорил я, хитро поглядывая на Свету. – Погодка самое то.

Света вырвала руку и шлепнула меня по заднице:

– В морг больше ни ногой! Ты меня понял?

– А экспертизу забрать завтра? – лыбился я, уворачиваясь от второго шлепка. – Труба ж зовет.

– Перебьешься. Погодин заберет. Или Жмыха озадачь.

Глава 4

– Итак, товарищи, – Горохов в привычной манере прохаживался по кабинету, казалось, сейчас вытащит из кармана излюбленный «Мальборо» и задымит, но вместо этого следователь перекатывал во рту барбариску. – Работаем по старой схеме. Начинаем отработывать ранее судимых за убийства и тяжкие преступления против личности. Особое внимание уделяйте тем, кто освобожден из мест лишения свободы не так давно, и у которых время освобождения совпадает с началом серии убийств.

Горохов повернулся к Жмыху и нахмурился:

– Василий Николаевич, перестаньте в носу ковыряться, я для кого распинаюсь? Соберитесь.

– Я вас внимательно слушаю, Никита Егорович, – закивал тот и повторил. – Нужно проверить бывших сидельцев. Особливо уделить внимание свеженьким.

– Вот и займись этим, товарищ Жмых.

– Один? – Вася аж привстал со стула. – Много там побегать придется.

– Ну, у тебя же есть подчиненные? Привлеки пару-тройку оперативников из УГРО. Наиболее толковых, не таких как ты.

Колкость Василий пропустил мимо ушей и продолжил отбредиваться:

– Как же я их привлеку, ими сейчас мой зам рулит, а я к вам приставлен. Формально они мне пока не подчиняются.

– Я улажу этот вопрос с начальником милиции, – заверил следователь. – Помощь местных нам нужна будет в любом случае. И уверен, что не один раз. Второй момент, – Горохов сделал паузу, прикрыл глаза, будто мысленно затягивался сигаретой, тяжело ему думается без курева. – Нужно проверить все спортивные секции, где занимаются борьбой. Наш подозреваемый явно в совершенстве владеет борцовскими навыками. Детские секции сразу исключаем.

– А тренерский состав в ДЮСШ? – вмешался я. – То есть, те, кто с детьми занимается? Их тоже бы проверить не мешало бы.

– Верно, – согласился Горохов. – Про тренеров я как-то не подумал. Тогда их тоже прошерстим. Третье – нужно проверить «отставных» спортсменов, особенно тех, кто не очень хорошо закончил карьеру. Например, из-за внезапной травмы, нарушения дисциплины, скандала. Или выперли по политическим мотивам. Особое внимание обратить на обиженных на Госкомспорт, на обком и другие структуры, запятнавших свою карьеру неблагоприятными поступками. Такие для нас представляют первостепенный интерес. Особенно если спортсмен в прошлом знаменитый был.

– Да нет у нас знаменитых спортсменов в Михайловске, – авторитетно заявил Вася. – Был один, да и тот от диабета умер. Прямо на соревнованиях.

– А как же его допустили? – Горохов удивленно вскинул бровь на Жмыха.

– Так он шахматист был.

Никита Егорович чуть не сплюнул с досады на такие дурацкие замечания.

– Шахматисты, теннисисты и прочие велосипедисты – нас не интересуют. Ищем борца, – следователь повернулся к Каткову. – Алексей, возьми на контроль все экспертизы, что назначены в местный кримотдел. Следов рук и обуви на местах преступлений не изъято, но всё равно – одежду потерпевших надо проверить на наличие посторонних волокон и других микрочастиц. И узнай, не готов ли анализ по красителю, которым татуировки нарисованы. Надо бы еще узнать, что означает эта пресловутая волчья голова. Не просто же для антуража она нарисована.

– Известно, что означает, – вмешался Федя. – Оборотня. Ликана, то есть. Вроде бы, днем человек, а ночью в зверя обращается и на охоту выходит. Ну совсем как наш убийца.

– Тогда почему такие знаки именно на жертвах? – спросил Горохов. – Они ведь не оборотни.

– Может, таким образом он оставляет свою фирменную метку? – предположил Катков. – Как хищник метит территорию?

– Не-е, – замотал головой Вася. – Вот у меня, например, кот квартиру метит – в тапки ссыт. Не похоже, что татуировки – это мечение территории.

– Вообще-то, метят по-разному, – поддержал Каткова Федя. – Медведь, например, сдирает с дерева кору, я «В мире животных» видел.

– Согласен, – кивнул Горохов. – Вот только сомневаюсь, что знак этот оборотня символизирует.

– Волчья голова, – взял я слово, выудив из памяти знания из девяностых, – воровской знак, символ уважения среди зеков, имеющих очень высокий ранг, это как некий вызов ментам. Означает что-то вроде: «Догони меня – все равно умрешь первым».

– Хм... Похоже на воровские разборки, – Никита Егорович задумчиво потер седеющие виски. – Этого нам еще не хватало. Вот только жертвы у нас несудимые и в криминальных делишках никоим образом не замеченные. Ну, хорошо. Предположим, что убийца имеет некое отношение к воровской среде, но зачем бы он оставлял такие рисунки?

– Может, это послание? – предположил я. – Нам, сотрудникам правоохранительных органов. Мол, хрен вы меня поймаете.

– Вроде черной кошки. Возможно... – Горохов сел и откинулся на колченогом стуле. Тот заскрипел, но выдержал. – Пока загадок, больше чем версий... Странный у нас маньяк, товарищи, нарисовался. Но тем интереснее будет его переиграть. А сейчас проведем небольшой эксперимент.

Горохов хитро улыбнулся и раздал каждому из нас по фотокарточке с изображением «татуировки» с плеча Бочкина:

– Вам задание, товарищи. Перерисуйте себе в рабочие блокноты эту псину.

– Зачем? – недоумевал Федя. – Мы можем и фотографиями воспользоваться, если надо. Я вообще не помню, когда в последний раз рисовал. В школе, наверное, на уроке рисования. Вазу с яблоками на куске штормины. Натюрморт называется, как щас помню.

– Рисуй. Это приказ, – настоял следователь. – Пять минут на выполнение задания. Время пошло.

– Что, прямо сейчас... – обреченно пробормотал Погодин.

Мы принялись корпеть над странным поручением. Я лишних вопросов не задавал, знал, что неспроста это задание нам поручили. Никита Егорович что-то хочет этим проверить.

– Готово! – первым воскликнул Вася и торжественно помахал блокнотом, когда мы еще пыхтели, выводя глаза, клыки и прочие уши.

– Это что? – Горохов подошел к Жмыху, взяв в руки его мазню, брови его встали домиком. – Крыса?

– Как сумел, – пожал плечами Вася. – Между прочим, некоторые крысы, если их много, опаснее волка.

– Задание было не зоопарк рисовать, а скопировать рисунок! – раздраженно проговорил Никита Егорович.

– Ну, я же не виноват, что у меня все звери на одно лицо получаются. То есть, морду. Я только крыс умею рисовать. Ну и ежей еще. Если крысе подрисовать колючки, то ёж получится.

Горохов вздохнул, прижав ладонь ко лбу, и с надеждой подошел к остальным. Глянул на наши художества.

– Ну, вот! Другое дело. Отлично, – потирал он руки, после крысы его настроение вмиг улучшилось, он собрал розданные фотографии. – А теперь перелистните листок в блокноте и попробуйте воспроизвести рисунок по памяти. Без натур, так сказать.

– А, я понял, зачем это! – воскликнул Федя. – Это чтобы мы лучше запомнили татуировку?

– И это тоже, – многозначительно хмыкнул следователь.

Мы снова стали шуршать карандашами «Ленинград». Второй раз получилось даже быстрее. Хоть мой волк и был больше похож на овчарку-ищейку, но все же сходство с татушкой-первоисточником явно улавливалось. У Каткова волк больше напоминал добродушную таксу. Зато Светин волчара вышел как надо. Казалось, его глаза горят, а из пасти слюна капает. Еще даже кровожаднее получился, чем в оригинале.

Горохов, будто школьный учитель, прошелся «по рядам» и собрал рисунки. С довольным выражением на лице показал их нам:

– Итак, товарищи! – следователь хитро прищурился. – Вы все, точнее, почти все, справились с заданием. И что это значит?

– Что каждый из них может быть этим самым убийцей, – уверенно заключил Жмых. – Кроме меня, конечно.

– Нет, – Катков поднял руку, как в школе, требуя молчаливого внимания к главному выводу. – Это значит, что для воспроизведения рисунка не требуется особых художественных навыков. При определенной тренировке такую ложную татуировку может нарисовать практически каждый нормальный человек. Ну, кроме Васи, конечно.

– Садись, Алеша, пять, – кивнул Горохов. – Все правильно сказал. Наш маньяк, скорее всего, не обладает особыми художественными навыками. Просто рисует некий знак, который научился копировать.

* * *

Секций борьбы в Михайловске оказалось немного. Для взрослых – так вообще одна лишь по дзюдо. Мы с Федей разделились. Он вызвался проверить дзюдоистов, пока я «шмонал» детских тренеров по секциям вольников и классиков.

Особо ничего не нарыл, а вот Погодин, кажется, напал на след, хотя я к его высказываниям отнесся поначалу скептически.

– Андрюха, – мы сидели с Погодиным в местной «стекляшке» и лопали шарики пломбира из заиндевших креманок. – Странные какие-то эти дзюдоисты.

– В чем странность? – я с наслаждением колупал лакомство, уже восемь лет здесь, но всё не привык удивляться вкусу из детства.

– Во-первых, все слишком взрослые. Подростков и молодежи среди них нет.

– Бывает, – хмыкнул я, разглядывая советский плакат, на котором щекастый малец уползтал эскимо. – Все-таки восточное единоборство. Раньше за него даже сажали, как за карате. Правда, давно это было. И потом, не каждый может позволить себе заниматься таким спортом. Это же кимоно надо приобрести.

– Да не в этом дело... – поморщился Федя. – Там дядьки на спортсменов не похожи.

– Как это? – я уже с интересом уставился на напарника.

– Ну, не знаю... Больше сидельцев напоминают, что ли. Морды жизнью потертые, угловатые. Еще и курят. Где ты видел, чтобы спортсмены курили?

– Всякое бывает. Это ж любительская секция.

– Да ты дальше слушай... – Федя понизил голос и огляделся. – Самое любопытное, что тренер их знает эту татуировку. С волчьей головой. Но мне сказал, что впервые видит, когда я ему фото показывал.

– Так-с... Поподробнее, Федя.

– Ну, я пришел к ним, так и так, из милиции, говорю. Показал фото, спросил, не знаком ли рисуночек, всё как положено. Он как-то напрягся сразу весь, а потом вроде как работой

заялся. Дескать, не до меня ему совсем. Стал на своих покрикивать, которые в зале возились, указания им давать. В общем, в тренировочный процесс ушел с головой, всем видом показывал, что я, типа, ему мешаю. Я вопросыки позадал, конечно, он вроде отвечал. Через раз. Но видно, что фотка его зацепила. Думаю, нам надо с тобой вместе туда нагрянуть и все перевернуть вверх дном. Или вообще всех повестками в отдел вызвать и там расспросить с пристрастием.

– Если тренеру что-то известно, – я задумчиво облизнул ложечку с остатками мороженого и отставил креманку в сторону. – То наверняка он уже все продумал, что в милиции говорить будет.

– А что делать? – вздохнул Федя.

– Нам нужен в секции свой человек.

– Так где же мы его там найдем? И как понять, что он свой будет? Я ж тебе говорю, там то еще собрание.

Я покачал головой.

– Не внутри искать будем, а внедрим.

– Кого внедрим?

– Ну, раз ты засвечен, значит, пойду я.

– Ты? А ты бороться-то умеешь?

– Не особо, но кое-что могу. И потом, я же новичком прикинусь.

Я вспомнил как в прошлой жизни приходилось заниматься рукопашкой. Там, кроме ударов ногами, руками, еще есть броски, болевые и удушающие, совсем как в дзюдо приемчики.

– Ты что, пойдешь к местным в секцию записываться? – удивился Погодин.

– Придется, – кивнул я. – Прощупаю их изнутри, так сказать. Вот, только где мне кимоно раздобыть? Вряд ли оно в Михайловске продается.

* * *

Я навел справки. Секция дзюдо располагалась в подвале «Дома быта» и находилось на полулегальном положении. Судя по всему, во Всесоюзное добровольное физкультурно-спортивное общество никаким боком не входила. Некий перец (мастер спорта) набрал на добровольных началах секцию, выбив у исполкома помещение, и нес в массы заморское искусство борьбы. Возможно, даже деньги брал за обучение, но это, конечно же, нигде не афишировалось.

Зная Федю, я не особо надеялся накопать что-нибудь там полезное, но все-таки решил проверить. Чем черт не шутит? С ксивой туда переться бесполезно, результат мы уже видели, будет как у Погодина, так что оставалось и вправду только прикинуться «юным» любителем и влиться в стройные ряды советского спорта.

Кимоно мне помог достать Вася. Оказалось, что Жмых знает всех барыг в городе. У нужных фарцовщиков отжал кимоно нахаляву. Я хотел заплатить, но Вася уверял, что платить спекулянтам – слишком жирно им будет. Дескать, и так нормально живут, паразитируя на советских гражданах. Сказал, что в Михайловске с каждым годом их все меньше и меньше гоняют, а они совсем обнаглели, двухкассетник «Сони» по цене подержанных жигулей толкают. И радиодетали дефицитные втридорога продают. Детали эти работники местного радиозавода сверх нормы для левой продажи выпускают, под полкой выносят, а сырье в брак списывают. В общем, теневая торговля в Михайловске процветала, как, впрочем, и во всем Союзе, набирая обороты с ростом дефицита.

Спорить с Васей я не стал. Тем более, что радиодетали в СССР пользовались бешеной популярностью. В перепродажу шло все: от контроллеров и приводов до транзисторов, сложных плат и целых готовых блоков, которые в магазинах днем с огнем не сыскать. На таком товаре фарца делала деньги немаленькие. Так что пусть пожертвуют единственным кимоно

для оперативных нужд родной милиции. Тем более, что кимоно оказалось дрянное. Очевидно, для карате предназначенное, потому и ткань хлипковатая и без специальных укрепляющих вставок. Но на несколько тренировок хватит. Наверное.

Подвал встретил запахом ржавых труб, пота и застарелых кед. Аромат резиновых кед откуда взялся? Ведь босиком на татами занимаются.

Крутые ступеньки из щербатого бетона привели меня напрямиком в зал. Низкое помещение с многочисленными крашеными трубами под потолком тускло освещалось парой грустных лампочек. Пол застелен потрескавшимися матами.

Тренировка еще не началась, в зале терлась парочка хмырей в замызганных кимоно и третий мужик. Тоже в форме, но держался особнячком, на фанерном приступке в дырочку, что-то записывал в растрепанную тетрадь. Ростом с меня, но возрастом и весом поболее примерно на двадцать кило и столько же годков.

Я натянул на лицо глупую лыбу, чуть ссутулился, изображая лошпеда, и громко проговорил:

– Здрасти!

– Здорово, – тренер обернулся.

Морда, как у сталевара с плаката, только морщин слишком много и глаза пронзительные, глубоко посаженные, как у гориллы.

– Чего хотел, – буркнул он, нехотя оторвавшись от тетради.

– Так, это самое... Записаться.

– Секция только для своих, – отмахнулся тренер и снова уткнулся в тетрадь.

Для каких-таких своих – я выяснять не стал, а решил попробовать замотивировать сенсея рублем.

– Платная, что ли? Так я заплатить смогу. Сколько стоит? Меня Андрей зовут.

Тренер снова поднял на меня взгляд и критически оглядел. Под одеждой мышц не видно, а жирка на мне пока что неросло. Спина дугой и дурацкое выражение лица делали меня похожим на хилака.

– Квельый ты какой-то, шел бы ты отсюда, Андрюша. Мои ребята тебя помнут ненароком.

– Эх... – вздохнул я. – Говорили мне пацаны, что лучше на бокс идти. Что там настоящий спорт. Скажите, а правда, что дзюдоист против боксера не вывезет?

– Это кто тебе такое сказал? – нахмурился тренер.

– Все говорят. У нас во дворе. Я вот хотел обратное доказать. У меня сосед, Мишка Беспалый – боксер-перворазрядник. Всех в округе поколачивает. Нет ему равных в районе нашем. А я вот хотел отпор ему дать. Только я шахматами занимаюсь. Это, конечно, не совсем спорт, но и он мне даже помог против боксера. Я Мишку шахматной доской по голове огрел, когда он меня в подворотне зажал. И убежал. Вот теперь к вам пришел. Думал научиться. Эх... Вот, даже кимоно прикупил. Всю стипендию отдал.

Сам не знаю, откуда у меня проявился актерский талант. Последнее мое выступление на «сцене» было еще в детдоме. Но там роль была без слов. Я изображал на утреннике елочку, вокруг которой сказал трусишка-зайка серенький.

– Ладно, – тренер недовольно поморщился. – Переодевайся. Раздевалка там. Меня Лев Палыч зовут. Можно просто Палыч. Посмотрим, что ты можешь, как у тебя с физподготовкой. Если совсем мертвый – не обессудь. Пойдешь шахматами обратно заниматься.

– Спасибо, Лев Палыч, – закивал я китайским болванчиком. – Я быстро учусь... Постараюсь вас не подвести.

Глава 5

Я отправился переодеваться. Раздевалка оказалась слишком по-советски спартанской. Вместо шкафчиков – длинные, явно стыренные из какого-то спортзала лавки, вместо крючков для одежды – пристреленные в бетон дюбеля. Пахло ЖЭКом и носками.

Выбрал себе свободный гвоздик, бросил под ним на лавку сумку с формой. Все уже переоделись и о чем-то оживленно гоготали в зале.

Федя оказался прав. Спортсменчики какие-то специфические. Возраста не среднего коммуниста. На комсомольца здесь только я тянул.

Я скинул башмаки и стал расстегивать рубашку, когда почуял за спиной запах пота.

– Здесь занято, – пробубнил низкий голос с нахальной хрипотцой.

Я обернулся. Сзади скалился прокуренной желтозубой улыбкой дзюдоист в светло-сером (когда-то оно было белое) кимоно. Морда, как кусок гранита. Угловатая, зернистая от застарелых оспин и немного красная. Роста сам невысокого, но в плечах квадратный, как плита, отчего совсем не казался маленьким, а наоборот. Я даже сперва подумал, что мои стандартные метр восемьдесят пониже его будут.

– Простите, – продолжал я изображать студента-Шурика, передвинув вещи под соседний гвоздик.

– И здесь занято, – хмыкнул гранитомордый, презрительно скрестив на груди волосатые руки.

– А где тогда свободно? – пожал я плечами, по-прежнему с недалекой щенячьей улыбкой на лице.

– Вон там свободно, – гоготнул квадратный, кивнув на закуток, где примостились ржавое ведро с накинутым на него куском мешковины вместо тряпки, деревянная швабра и облезлый веник.

– Но там нет лавочки, – развел я руками. – И миролюбиво протянул руку. – Меня Андрюша зовут, а вас?

Такое поведение обезоружило «гопника», он зло плюнул мне под ноги, что-то буркнул и направился к выходу.

– Так как вас зовут? – крикнул я вдогонку.

– Называй меня дядя Альберт, салага, – процедил он и скрылся в зале.

Я наспех переоделся и вышел следом. Там уже тренер всех построил в одну линию на татами. Мужиков навскидку около десятка. Я встал во главе строя.

Присутствующие тихо заржали.

– Тишина! – гаркнул тренер и повернулся ко мне. – Новенький, встань в конец шеренги!

– А, понял, – закивал и перепорхнул на нужное место. – Я просто думал, что конец там.

Среди присутствующих я смотрелся в каратистском белоснежном с иголки кимоно, как цапля среди серых гусей.

Тренер дал отмашку, и строй побежал по кругу на разминку. Что ж, все побежали, и я побежал.

– Перешли на гусиный шаг! – гаркнул Палыч.

В позе пингвинячьих самцов, которые высидывают яйца прямо на ходу, таская их под брюхом, мы затопали по кругу.

Я отчаянно халтурил, приседал до неполного «гуся». Оно и понятно, я же цапля.

– Новенький! – ткнул в меня узловатым пальцем тренер. – Жопу ниже! Ползешь, как беременная муха!

Зал опять заржал. Мне здесь явно были не рады. Вот только почему тогда Палыч разрешил мне остаться? Почему сразу не дал от ворот поворот? Наверное, хочет, чтобы сам ушел.

Если каждого отфутболивать просто так, то спорткомитет могут жалобами закидать, дескать, что за секция такая у вас, закрытая. Ведь пока в СССР все секции государственные. Да и помещение казенное. Значит, тренер ждет, пока сам сольюсь. Ну что ж... Посмотрим.

Стандартная разминка включала в себя махи ногами, руками и мотание другими выступающими частями тела, в том числе головой. В заключение – отжимание от пола и непременно, по заветам Шаолиня, на кулачках.

Выполняя это упражнение, я отключил задницу повыше, приняв позу буквы «зю», и халтурно отжался десять раз. При этом локти мои дрожали, а сам я пыхтел, а на десятом разе так вообще мордой в ковер уткнулся, типа, все, сдох Бобик. В общем, продолжал играть роль хорошего шахматиста. Ни в коем разе нельзя, чтобы во мне эта спортбанда мента разглядела. В каждой спортивной секции есть отстающий лошпед. Таких всерьез не воспринимают и не опасаются. Вот я под такого и косил. Ведь мне еще инфу нужную как-то раздобыть надо. Для этого нужен информатор. Вот Альберт – подходящая кандидатура. Сразу видно, что давно здесь, и «шишку» держит. После тренера – второй человек в секции. Жаль, что с твердолобым не заладилось.

После отжиманий перешли к отработке навыков самостраховки. Перекаты вперед-назад, вбок и с переподвыпертом. В конце каждого вида кувырка – обязательно хлесткий хлопок рукой по коврику для антуража и гашения инерции.

Я катался неуклюжим долговязым колобком, иногда застревал на полпути, болтая в воздухе ногами. Тренер морщился, а «коллеги» хихикали, но шуток в мой адрес не бросали, потому что «тишина должна быть в зале».

Все-таки борьба – это не мое. Возюкать потного мужика по ковру, пытаясь просочиться сквозь его подмышку, совсем не по мне. Брезгливый я для борьбы, по крайней мере, в таком помещении и в такой сомнительной компании. Вентиляцией здесь служила просто распахнутая настежь дверь. А зимой тут вообще, наверное, все ароматы Франции собираются.

– Закончили! – хлопнул в ладоши Палыч. – Разбились по парам! Отрабатываем ёковакарэ.

Что, блин? А по-русски нельзя сказать? Я суши не очень люблю и по-японски не понимаю. Остальным же явно никакого перевода не требовалось.

Это, конечно, оказалось название одного из приемов дзюдо. Ну, для такого броска мне пока рано, естественно, я стоял и наблюдал в стороне, как другие выполняют переднюю подножку на пятке под одноименную ногу. Любят дзюдоисты техничные приемчики, это вам не курус, где захват только один – за пояс.

После этого упражнения выполняли банальный бросок через бедро, тренер и его как-то витиевато назвал. Ну, его я могу делать. База во всех единоборствах (кроме бокса, конечно). Мне даже напарника выделили, мужичка тощего (самый худосочный из них оказался), но юркого, как выдра. Даже усики такие же, как у водного зверька – реденькие, но длинные. Я корячился, изображая бой дона Кихота с ветряной мельницей. Выдра между тем меня несколько раз швырнул о ковер, чему сам очень возрадовался, аж усишки мерзкие задергались. Очевидно, что кроме меня, до этого момента он никого не мог одолеть. А тут такой «инвентарь» пришел – есть на ком душу отвести.

После этого отрабатывали еще кучу «бесполезных» бросков... По-японски они все назывались по-разному, а по мне так все одно – «пятки в небо, а спиной об пол».

Я приглядывался к борцам, но те, зараза, ни о чем не переговаривались, ничего постороннего не обсуждали, только честно потели и скрипели матами. Я так и не понял, что связывает таких великовозрастных дядек, кроме спорта.

По идее, должно быть еще две вещи – водка, бабы, ну или рыбалка, на худой конец. А тут прямо все с таким усердием тренируются, будто на олимпиаду готовятся. Но таких не берут в космонавты, возраст не тот. Дзюдоисты потели, пыхтели и сопели, и лишнего не болтали.

Снова летя на ковер, я недоумевал. Может, я их смутил? Есть что скрывать? Первое правило Бойцовского клуба: никому не рассказывать о Бойцовском клубе.

Наконец, дошли до поединков. Расселись по квадрату татами в позе лотоса.

– Ну как? Жив? – тренер смотрел на меня с пренебрежительной усмешкой. – Может, все-таки в шахматы вернешься?

– Да нормально я, – обмахивался я полами кимоно. – Привыкаю. Мне даже нравится. Буду, наверное, к вам ходить. Хочу научиться бороться, как дядя Мольберт.

Зал прыснул от смеха.

– Меня зовут, Альберт, салага, – прошипел гранитомордый. – Еще раз так меня назовешь и...

– Тише, Альбертик, – лыбился тренер. – Он же на тебя равняется. Вот и покажи ему класс. Только не зашиби шахматиста, а то он тебя доской шахматной огреет, он человек опытный. – Тренер повернулся ко мне: – Ну что, шахматист? Не хочешь силы проверить в поединке? Ты, смотрю, уже почти готов.

Я сделал вид, что доволен такой похвалой. Убийственная просто похвала.

– Ну, раз вы так считаете, – я встал и вышел на ковер.

Честно говоря, думал, что Палыч мне «выдру» в оппоненты подсунет, но он кивнул «Мольберту». Вот гаденыш. Новенького под танк сразу? Только есть у меня противотанковое оружие.

Квадратный дзюдоист с торжествующей ухмылкой вышел на середину ковра. Шел прямо, вразвалочку, и даже в стойку не встал.

– Я его одной рукой разматаю! – торжественно заявил он, убрав левую за спину.

Присутствующие загалдели в предвкушении занятого зрелища, а тренер, паскуда, одобрительно закивал.

– Хаджиме! – крикнул Палыч, не утруждая себя даже оторвать задницу от лавки.

Я пригнулся и чуть оттопырил таз назад, чтобы понизить центр тяжести, как делают борцы. Альбертик стоял не шелохнувшись и прямой, как шпала. Что ж... Уронить прямого даже «шахматист» сможет. Я подскочил к нему, схватил за отвороты кимоно и тупо швырнул-толкнул резко в сторону.

Такой прыти от хилого ботана противник не ожидал и шлепнулся на ковер, получив в награду задорный смех собратьев.

Вскочил на ноги и, злобно сопя, как носорог, сходу бросился на меня.

– Эй! Ты же говорил, что одной рукой справишься! – улюлюкали ему друзья.

Тот опомнился, притормозил и снова завел руку за спину. Атаковал. Вцепился в меня правой, подтягивая и пытаясь выйти на дистанцию броска. Хрен тебе, а не сближение! Я не подпускал его, руку заблокировал своей, вцепившись в рукав, а второй мотнул его в сторону. Будто бы хаотично и неуклюже, но с силой. Потом в другую сторону. Тот уже раскорячился, чтобы держать равновесие, пытался меня подловить на ошибке, но с одной рукой явно не выводил. После якобы неуклюжих (с моей стороны) болтаний, в конце концов, я снова завалил его на ковер. Тут бы сверху навалиться и на удержание перейти, но я же, типа, правил не знаю... Да и навыками партера не владею. Поэтому просто топтался на татами.

– Альберт! – выкрикнул кто-то. – Может, тебе тоже шахматами лучше заняться. А лучше шашками!

Снова хохот, шуточки, только голоса тренера не слышно. А гранитная башка совсем разо-злился. Еще больше раскраснелся и стал уже напоминать не то что гранит, а целый рубин.

– Х*р с тобой! – прорычал он, брызнув он слюной. – Буду двумя руками бороться.

Теперь он уже был в полноценной стойке, и руки обе на уровне груди готовятся к захвату. Вдарить бы ему двоеккой в нос, а потом коленом под дых, но правилами запрещено. Но и по его правилам я играть не собирался. Ведь я же новичок, не знаю их. Мне все можно...

Альбертик вцепился так, что мое утлое кимоно затрещало по швам. Рванул к себе, резко подсел, еще мгновение – и пятки мои сверкнули в воздухе. Но я мигом перехватил его кисть и незаметно завернул на излом, укрывая захват отворотом его кимоно. Приемчик в дзюдо, конечно, запрещенный, банальный рычаг руки из рукопашки, но я же новичок, мне все можно.

Я слышал, как скрежетнули от боли его зубы. Противник охнул и подался за заломленной кистью, а я снова уложил его на ковер, на миг почувствовав себя стариной Сигалом.

Наступила гробовая тишина. Никто так и не понял, что я такого сделал.

Рукопашка еще не распространена, а первый фильм с Сигалом выйдет через пару-тройку лет примерно.

– Ах ты, с-сука! – вскочил на ноги Альберт. – Он мне чуть руку не сломал! Вы видели?

И снова «танк» ринулся на меня. Я не стал дожидаться удобного ему захвата и контратаковал. Бросился на него, до минимума сократив дистанцию. Чем стремительнее сближение, тем лучше. Бум! Как бы невзначай залепил ему локтем в живот, но при этом одновременно схватил за отвороты куртки, будто в них-то и целился. Не особо видно, как мой локоть вмазал его по «солнышку». Можно сказать, будто он сам напоролся.

Противник охнул и словил спазм диафрагмы. Я, не дав ему опомниться, поставил банальную подножку, делая вид, что я такой неуклюжий, и моя нога просто случайно оказалась у него на пути. Тут же подтолкнул, как бы сам пытаюсь удержаться. Он споткнулся о мою ногу и снова завалился.

Присутствующие загудели, а Альберт корчился от боли на ковре, сыпя в мой адрес проклятия.

Встал, пошатываясь. Чуть отдышался и уже хотел броситься на меня с кулаками. Но между нами встал тренер (жаль, кулаки – моя стезя, хотя я уже и так наворотил, не стоит переигрывать):

– Закончили! – рявкнул он. – Альберт, иди в душ, а ты. – Палыч повернулся ко мне. – Бороться ты не умеешь ни фига, но как ты это сделал? Конечно, не по правилам сработал, но... Как так у тебя получилось?

– Не знаю, – я растерянно пожал плечами. – Как-то само собой вышло. Просто испугался. И вспомнил, как боксера доской шахматной отлупил. Новичкам везет...

– Тебе конец, салага, – буркнул через плечо Альберт, удаляясь в раздевалку под смешки собратьев.

Я же, как ни в чем не бывало, уселся на край ковра среди прочих «самураев», которые почтительно раздвинулись, уступая мне место.

Стал наблюдать, как проходят другие поединки. Мотал на ус и запоминал. Вроде ничего сложного. Почти все броски основаны на захвате за одежду и пояс. Удушающие разрешены, а это я умею. Болевые на руки тоже можно, только на ноги нельзя. Запоминал я на всякий случай, возможно, придется прийти сюда еще раз или два. А может, и того больше.

После тренировки тренер записал мои данные в растрепанную тетрадь. Я представился Андреем Разиным. Что первое в голову пришло, любил я «Белые розы». Студент политехнического института, Андрей Разин.

– Все, студент, – кивал тренер. – Я тебя беру. Есть в тебе что-то скрытое. Хоть и припозднился ты со спортом, но попробуем. Только дома отжиматься нормально научись. На кулачках, конечно же.

– Это я запросто, – кивал я. – Включу отжимания в утреннюю зарядку. Ее по радио передают, но отжиманий там не было...

После тренировки все заперлось в душ. На мое удивление, в этой дыре он имелся. Но, как и полагается, со всеми атрибутами подвального спортивного зала: отколотый местами кафель, гнутые, плещущие куда попало душевые лейки и полное отсутствие чего-то похожего на полочки для мыла.

Не хотелось толкаться с голыми мужиками в холодной душевой, но для роли придется. Разделся и прошел в помещение с тремя душевыми кранами без всяких перегородок. Протиснулся бочком по стеночке и сразу поспешил намылиться, чтобы шрамы свои пулевые и колото-резанные не палить. Благо лампочка в помещении еле горела и вода изрядно парила. На мое счастье видимости почти нет.

Мужики галдели, травили анекдоты, только Альбертик был невесел. Увидев меня, все ненадолго замолчали.

– Слышь, шахматист, – наконец проговорил один из них. – А ты не такой хилый, как кажешься.

– Так я же деревенский, – улыбнулся я, выдумывая на ходу, чем оправдать свою внешнюю физическую форму. – Покосы, дрова и прочий навоз. Работенка тяжелая по хозяйству.

Но и у этих ребят было, чем меня удивить, кроме бравады и ловких накачанных рук и ног. Я пригляделся к намыленным телам и охренел. У троих из них, в том числе у гранитного Альбертика, на правом плече красовалась татуировка. Оскаленная волчья голова. Почти как на убитом Бочкине и других трупях. Я ее хорошо запомнил, пока в блокноте рисовал.

Опа! Как, говорит Вася Жмых, ядрен пистон! Это я удачно зашел!

Глава 6

Я плескался под струей воды с привкусом железа и старался не смотреть на татухи. Они явно настоящие, и относительно свежие, штрихи еще не поблекли.

Альберт шакалом косился на меня, но больше не пытался задеть. Делал вид, что ничего такого на тренировке не произошло. В общем, внедрение в секцию прошло даже лучше, чем я ожидал. Вот только вопросов у меня к ребятам образовалось множество. Но пока рано в лоб спрашивать – новичку доверия нет. Буду прощупывать постепенно.

После душа, когда почти все разбрелись по домам, я снова подошел к тренеру:

– Я тоже себе хочу татуировку, как у вас. Раньше хотел ферзя вытатуировать, но родители запрещают. А у вас волчок знатный. Это даже лучше, чем ферзь.

– Куда? Не заслужил, – буркнул тот.

– А, понял... Она у вас что-то вроде клейма «ОТК»? Если хороший борец, то отдел контроля прошел. Так? – я бесхитростно улыбался.

– Вроде того, – отмахнулся тренер.

Что ж... Все это становится интересным. Но карты вскрывать рано. Нельзя, чтобы они поняли, что я здесь из-за расследования.

* * *

На следующий день я рассказал о тренировке нашим на планерке. О странных возрастных дзюдоистах, о татушках в виде оскаленных волчьих голов.

– Отлично, Андрей Григорьевич! – Горохов даже по плечу меня похлопал. – Есть теперь у нас зацепка, главное – их не спугнуть.

– Теперь надо поискать что-то общее между жертвами и борцами, – высказался я. – И личность их всех установить по-тихому, пробить по базе. Кто, чем дышит, понять. Вот только как это сделать? Все фамилии у тренера в личной тетради записаны. Он с ней не расстанется. Выкрасть ее проблематично, да и сразу на меня подумают, как на свежую кровь.

Горохов походил, попытлел, разгоняя мыслительные процессы в своей голове.

– Придумал! – следователь поднял указательный палец вверх в знак своего озарения. – Я свяжусь с областным спорткомитетом, попрошу их с ревизией в эту секцию нагрянуть. Должны же они контролировать спортивные организации. Пусть под видом проверки списки занимающихся глянут.

– Думаете, они так просто побегут выполнять вашу просьбу? – я скептически поморщился. – Судя по всему, в исполкоме кто-то этих дзюдоистов прикрывает. Ведь не детям спортзал с душем отдали, а сомнительным личностям с татуировками. Звонить в спорткомитет точно бесполезно. Нужно отправить туда ОБХСС-ников. Тоже, вроде, с проверкой. На каком основании они выделили помещение не детско-юношеской организации, а великовозрастным мужикам, которые в федерации дзюдо, уверен, не числятся.

– Хорошо, – одобрительно кивнул следователь. – Многоходовочка такая получается. Надавим на местный спорткомитет, а те на дзюдоистов. Так и сделаем. Поговорю с начальником милиции, пусть выделит нам пару инспекторов. И наверняка у него уже есть кое-какая информация про этих самых дзюдоистов.

Горохов даже хмыкнул про себя – хорошо, мол, когда шаги какие-то вырисовываются, и подчиненные без дела не сидят. Теперь мне казалось, что и не было этого перерыва в несколько месяцев, никуда Никита Егорович не уходил. Был с нашим отделом всегда, и будет всегда.

– Я уже все узнал про них, – вдруг торжественно заявил Вася. – Дзюдоисты эти – работники инкассаторской службы. Организовали секцию своими силами. Главный у них – Воеводин Лев Павлович. Тоже инкассатором работает, ну и тренирует их.

Мы с удивлением уставились на Жмыха.

– Что вы так смотрите? – поймав на себе недоуменные взгляды, сказал он. – Я же не первый год работаю. – Оперативные связи, информаторы. Все имеется.

– У тебя? – вскинул на него бровь Горохов. – Оперативные связи?

– А что такого?

– Ничего, ты, вроде, с ГАИ совсем недавно перевелся. И сразу, как я понял, в начальство попал. Когда же ты успел оперативные позиции наработать? И за какие-такие заслуги тебя начальником УГРО поставили? – прямо спросил Никита Егорович, хотя ответ он и так знал, ведь племянное родство с начальником милиции очень, как правило, хорошо влияет на карьеру.

– Ой, да ладно вам... – отмахнулся Вася. – Ладно... Расскажу. Просто у меня жена в госбанке работает. Знает этих инкассаторов. А что касается должности, то я слишком не напрашивался. Мне и в ГАИ неплохо жилось, бывало, за один день... – Вася осекся, чтобы не сболтнуть лишнего. – В общем, поставили меня начальником, потому что больше некого было назначать. У одного меня высшее образование из всего уголовного розыска. Агроном я.

– Ну, давай, докладывай, агроном, – улыбался следователь. – Что ты там еще нарыл?

– Я еще не сказал вам самого интересного, – Вася аж привстал. – Воеводина, тренера, то есть, чуть не посадили за изнасилование.

Горохов перестал прохаживаться по кабинету, а застыл напротив Васи.

– Давай подробнее, не тяни. Подозрения подозрениям рознь.

– В общем, там непонятная история была. Лет пять назад. Он тогда студентов мединститута тренировал. Вроде как, к одной своей подопечной пристал. В раздевалке с ней заперся. Та заявление сначала написала, а потом забрала его. Вроде как он заплатил ей или чем-то другим мотивировал, не знаю. Короче, сухим из воды вышел, дело даже не успели возбудить. Но скандал все же небольшой поднялся, его из Федерации дзюдо и поперли. Теперь он не в тренерском штате, а как бы на общественных началах секцию ведет.

– Интересный фрукт, – Горохов задумчиво закивал. – Несостоявшийся насильник. На плече пресловутая татуировка. На телах жертв, как мы знаем, следы от бросков и такие же наспех нарисованные татуировки. Вот вам и первый подозреваемый, товарищи.

Следователь повернулся ко мне:

– Андрей Григорьевич, когда у тебя следующая тренировка?

– Завтра, – ответил я.

Никита Егорович покусал губу:

– А каждый день нельзя ходить?

– Рад бы, но понедельник-среда-пятница. Золотой стандарт советских секций, чаще только серьезные спортсмены занимаются, а там сегодня избушка на клюшке. Подвал, в смысле.

Никита Егорович пожал плечом – мол, ну ладно, так и быть, будем приспосабливаться к обстоятельствам.

– Присмотрись к этому тренеру, а мы пока остальных пробьем.

Горохов постоял, подумал и поднял глаза на Каткова:

– Алексей, что там с анализом красителя? Готов?

– И да, и нет, – оживился тот, он явно был рад, что наконец очередь дошла и до него. – Пока состав красящего вещества установить не удалось. Под «Радугу» и прочие чернила не подходят. Работают еще химики.

– А много там вариантов? Поторопи их, – нахмурился Горохов. – Возможно, этот самый краситель и есть наша ниточка. – И еще... Нам нужно повторно осмотреть места всех убийств. Осмотры проводили разные следственные группы, кто дежурил, тот и выезжал. Вы же помните, тогда серия не прослеживалась, могли что-то упустить.

– И что мы там будем искать? – недоуменно хмыкнул Погодин. – Сколько времени уже прошло с момента первого убийства. Следы – штука тонкая.

– Не так уж и много, всего две недели. Я навел справки. Все это время в Михайловске не было дождя. Засуха больше двух недель стоит, – Горохов повернулся к криминалисту. – Готовь, Алексей, чемодан и фотоаппарат. Проскочим по всем местам, где были обнаружены трупы. Конечно, маловероятно, что что-то там найдем, но проверить надо. Знаю, как для галочки делаются у нас порой первичные осмотры.

– Можно с вами? – вызвался я. – У меня сегодня тренировки нет, так что я относительно свободен.

– Хорошо, – кивнул Горохов. – Тогда собирайся.

– А мне чем заняться? – пожал плечами Федя.

– А ты с Василием Николаевичем найди ту самую студентку, которой домогался Воеводин. Разузнайте все подробности. Особенно – почему она забрала свое заявление.

– Заявление нельзя забрать, вы же знаете, – блеснул знаниями Федя. – Можно только второе написать, что претензий не имею, отказываюсь и привлекать к уголовной ответственности не желаю.

– Все правильно, – кивнул Горохов. – Но в простонародье это называется забрать заявление. Не будем углубляться в процессуальные тонкости, главное – установить причину, почему она так поступила.

* * *

Местом первого убийства оказалась подворотня, образованная глухими стенами пятиэтажек, забором и прилегающими гаражами. Здесь проходила тропинка, на которой и придушили первую жертву – инженера.

С виду обычный проулок. Под забором заросли крапивы, над которыми неровная надпись, выведенная мелом: «Вожатая – дура!». Рядом пририсовано сердечко, пронзенное стрелой. Ну явно кто-то влюбился в вожатку и таким способом выразил свои чувства.

Мы втроем облазили все вокруг в радиусе двадцати метров. Ничего примечательного: окурки, битые «чебурашки», несколько обломков кирпичей и прочий мусор. На заросли крапивы прицепились бумажки: обертки от конфет, порванная детская раскраска и игральная карта. Последнюю, скорее всего, принесло ветром из гаражей, где мужики любили «вешать погоны» под пивко с вялеными лещами.

Горохов с хмурым видом ходил и «пинал» мусор, заглядывая в каждый уголок. Естественно, никаких следов уже и в помине не было. Да их здесь, на притоптанной до почти асфальтной плотности тропинке, и вовсе не оставалось. Так что я энтузиазма Алексея вовсе не разделял.

– Никита Егорович, фотографировать будем что-нибудь? – поинтересовался Катков.

Ему непременно хотелось что-нибудь щелкнуть на новенький «Зенит», который он получил вместе с криминалистическим чемоданом совсем недавно.

– Ничего тут нет, – разочарованно пыхтел следователь. – Не надо пленку переводить. Поехали на следующее место.

Мы сели в «Волгу» и переместились на другую точку нашего маршрута. Она оказалась недалеко, буквально в километре от первого места происшествия.

Это был безлюдный переулок. Даже в дневное время лишь редкие прохожие появлялись здесь. Мимо прошмыгнула стайка пионеров со скрипками в черных футлярах и проковылял пошатывавшийся мужичок с фингалом под глазом и со свернутой газетой в руке. Гляди-ка, вроде алкаш, а газеты читает. Ан нет, ошибочка вышла. Из свернутой газеты прозаично торчал рыбий хвост.

Окрестности почище, но тоже ничего интересного. Обычный тротуар с потрескавшимся асфальтом и вросшим в землю бордюрным камнем. На асфальте начертаны «классики».

Обшарили территорию. Ничего необычного. Над тротуаром склонился солидный клен. Старый, с обломанными сучьями. С дерева на паутинке спустился паук-крестовик. Грозно посмотрел на нас, мол, приперлись тут и всех мух распугали.

– Ну что, Восьмилапый? – спросил я паука. – Давно здесь живешь? Видел, как человека убивали? Всяко видел. Жаль, что разговаривать не умеешь.

– Ты что? – удивился Катков, – С козявкой разговариваешь?

– Со свидетелем, – хмыкнул я.

– Тоже мне, нашел свидетеля. Толку от такого свидетеля, как от балерины на пахоте.

Паук обиделся и поспешил наверх. Загребал лапками шустро, будто торопился что-то мне показать и доказать свою полезность. Я проводил его взглядом. Он забрался на край расщелины в стволе и уже оттуда зыркал на нас. За его спиной что-то белело.

Опа! Интересно, что там? Я подошел ближе и протянул руку. Паук, конечно, смылся, а из расщелины я вытащил игральную карту. Это была десятка пик.

– Хм! – Катков почесал макушку. – Какой дурак ее сюда засунул?

В моем мозгу щелкнуло. Так! На предыдущем месте ведь тоже была игральная карта. Только какого достоинства, не обратил внимания.

– Никита Егорович! – позвал я следователя. – Смотрите, что нашел!

– Десятка? Из колоды? – повертел в руках карту следователь. – Ну и что?

– Она на дереве была.

– Ну, допустим, ребятишки баловались и прицепили ее, – пожал плечами Горохов.

– Да, только на прошлом месте преступления тоже карта валяется.

– Как? – Горохов озадаченно одернул пиджак. – Где? Почему сразу не сказал?

– В зарослях травы. Принял ее за мусор, естественно. Хотя это, может, и есть мусор, но вот – и тут карта. Совпадение?

– Не бывает таких совпадений, Андрей Григорьевич. Поехали назад скорее, изымем ту карту.

Мы молнией вернулись в подворотню. Я подобрал карту, рассмотрел ее, и по спине пробежали мурашки. Это была... девятка пик.

– Интересненькое дельце, – пыхтел Горохов. – Тут девятка, там десятка. И масть одна. Что все это значит?

– Зуб даю, – сказал я, – что на третьем месте преступления мы найдем валета пикового.

– Почему?

– Карты разложены по возрастанию достоинства. Не случайно, что сначала девять, а потом десять. Значит, следующим должен быть валет.

– Логично, – одобрительно закивал Горохов. – Вот только, может, они давно тут лежат? Со времен царя Гороха. Вон сколько тут всякой шелухи. И почему отсчет начинается с девятки? А не с шестерки, например.

– Не знаю, почему с девятки. Но карты тут лежат не так давно. Сами же говорили, что дождя нет две недели. Карты сухие, не размокшие, значит, появились тут относительно недавно. Например, в день убийства.

– Ага... – Горохов достал из папки бланк протокола осмотра места происшествия. – Изы-
мем их официально, дополнительным осмотром. Андрей Григорьевич, организуй понятых.
Алексей, сфотографируй объект как положено. И пальчики на них проверь.

– Да какие пальчики на замызганной бумаге? – пожал плечами криминалист. – Не будет
там ничего, сто процентов. Я, конечно, проверю, но это только в кино пальчики везде оста-
ются. А для потожировых следов поверхность нужна гладкая, чистая, почти глянцевая, сами
же знаете.

– Знаю, но все равно проверь, на всякий случай.

– Тогда лучше в лабораторных условиях, – кивнул Катков. – Раствором нингирина обра-
ботаю. Дактилоскопический порошок бумагу не возьмет.

Закончив оформлять изъятие, мы тут же выдвинулись на третье место преступления.
На нашу беду днем это оказалась оживленная улица. Сновали машины, пешеходы. Посреди
проспекта – скверик с жестяным гербом СССР. Под ним жестяные же буквы: «СССР – оплот
мира».

– Так... Труп обнаружили возле этого памятника, – Горохов разочарованно обвел окрест-
ности взглядом. – Твою дивизию! Если карта и валялась где-то, то дворники наверняка все
подчистили. Тут ни соринки, ни пылинки, будто не рядовой сквер, а площадь перед исполко-
мом. Не думал, что когда-нибудь расстроюсь из-за чистоты и порядка.

– Нужно искать не на земле, – уверенно заявил я.

– Это почему?

– Убийца неспроста оставляет карты, он что-то хочет нам этим сказать. Это знаки. Зна-
чит, он должен быть уверен, что карта попадет нам в руки. В подворотне он швырнул ее на
землю, потому что там дворниками и не пахнет. В переулке, где могут ее смести, уже прицепил
на дерево, а здесь...

– Здесь только кусты, – Горохов уже ломился через заросли бузины. – Реденькие. Сквозь
них карту видно было бы и дворник убрал, наверное.

– Герб! – воскликнул Катков. – Нужно его проверить.

Мы окружили жестяной двухметровый памятник и, на удивление проходим, стали осмат-
ривать каждый сантиметр, каждый загиб жестяного листочка. Я даже на колени встал, чтобы
заглянуть снизу.

– Нашел! – радостно воскликнул Катков, аккуратно, за уголок, чтобы не оставлять своих
следов, он выудил из пучка жестяных гербовых колосков карту. – Это валет пик! Как ты и
сказал!

– Отлично! – воскликнул Горохов. – Девять, десять, валет!

Осталось только пропеть вот это сакраментальное, про три карты. Но наше веселье по
поводу так блестяще найденных улик быстро прервалось.

– Граждане шулеры, – к нам подошел милиционер в звании сержанта. – Позвольте полю-
бопытствовать. Что вы здесь делаете?

Глава 7

– Сержант, – Горохов чинно выпрямился. – Я старший следователь по особо важным делам прокуратуры СССР Горохов.

– Ну да, конечно, – хмыкнул милиционер. – А меня зовут Феликс Эдмундович.

Никита Егорович гневно на него зыркнул и выудил из кармана новенькое удостоверение. Развернул и, ткнув корочками сотруднику в улыбающееся лицо, пробурчал:

– Представься, как полагается!

– Виноват, товарищ Горохов, – вытянулся в струнку милиционер, отдав воинское приветствие. – Сержант Пряденко!

– Вот что, Пряденко, – Горохов кивнул на парочку прохожих. – Организуй-ка нам понятых. Срочно. Будем осмотр под протокол проводить. Как положено.

Милиционер все еще стоял, раскрыв рот, глядясь то в лицо следователя, то в наши «шулерские» физиономии, потом еще потоптался на месте и отрапортовал:

– Есть организовать понятых! – а потом добавил. – Так вы и есть та следственная группа, которая из Москвы приехала? По убийствам?

– Много вопросов задаешь, сержант, сначала понятые, вопросы потом, – отмахнулся Горохов.

– Есть, сначала понятые.

Милиционер поспешил «отлавливать» подходящих граждан и вскоре привел двоих студентов с отросшими патлами и жиденькими усиками.

Карту мы сфотографировали и изъяли как положено. Упаковали в конверт. Клапан оклеили бумажками с оттиском печати и скрепили подписями понятых.

– Я все в толк не возьму, – бормотал Горохов, заполняя протокол осмотра места происшествия. – Почему отсчет начинается с девятки?

– Может, это количество жертв? – предположил я. – Если так, то еще будут жертвы. По крайней мере, дама, король и, последним, туз. Всего выходит шесть человек.

Таким ответом начальник доволен не был.

– Думаешь, убьет еще троих?

– Как минимум, да.

– Обычно маньяки не ограничивают себя в количестве жертв, – Горохов задумчиво погрыз кончик авторучки. – Но даже если так. И как нам узнать, кто следующий? И самое главное, кто этот самый туз, на котором все должно закончиться? Или на другие масти перейдет? На червы, например?

Понятых, получив от них подписи, мы уже отпустили, так что можно было не стесняться в версиях. Горохов подытожил наши с ним размышления:

– Такое впечатление, что убийца идет к своей неизвестной нам цели. К тузу... Хотя, возможно, это все наши домыслы. Но определенно карты такого достоинства выбраны не случайно. В этом я точно уверен.

Вернувшись в отдел, в кабинете мы застали праздных Федю и Василия. Они вальяжно потягивали чай вприкуску с гематогенками.

– Я не понял, работнички, – нахмурился следователь. – Почему не работаем?

– Так мы все сделали, – Жмых протянул шефу надкусанную «кровавую шоколадку» – Будете, Никита Егорович?

– И ту девушку уже опросили? – скептически поинтересовался Горохов. – До которой Воеводин домогался?

– Почти, – пробубнил Жмых с набитым ртом. – Только она нам ничего не сказала. Не помню, говорит, ничего такого. Раз не помню, значит, этого не было. Вот и весь сказ. Только время с ней потеряли.

– Интересно, – следователь сел на стул и разложил перед собой материалы из папки. – И это, выходит, результат работы. Плохо, товарищи, вы сработали. Неквалифицированно, так сказать. Не смогли найти подход к свидетелю. Что ж... Тогда в ход пускаем тяжелую артиллерию. Андрей Григорьевич, Светлана Валерьевна, навестите эту даму сами. Похоже, что-то она темнит. Не договаривает.

* * *

Дверь квартиры распахнулась, и на пороге появилась девушка в домашнем халате и тапочках.

– Миронова Юлия Андреевна? – спросила Света (инициативу общения я решил передать ей, с «трудными» людьми у нее лучше получается).

– Да, – вдруг насупилась хозяйка квартиры.

Вроде как, если мы так официально спрашиваем, ничего хорошего не жди.

– Мы из милиции, – Света показала удостоверение. – Можно задать вам несколько вопросов?

– А-а-а... – Миронова озадаченно нахмурилась, отчего вмиг стала похожа на молодую старушку. – Так приходили уже ваши. Спрашивали меня. Это по поводу Воеводина?

– Юлия Андреевна, – Света невозмутимо смотрела ей прямо в глаза, но не с вызовом, а как-то по-женски, понимающе. – Мы расследуем тяжкое преступление. Возможно, к нему причастен Воеводин. Нам очень нужна ваша помощь.

Хозяйка квартиры закусила нижнюю губу, выглянула в подъезд, будто высматривала там кого-то, и тихо проговорила:

– Входите, только, если можно, недолго. Пока муж с ребенком гуляет.

Мы вошли внутрь. Обычная двушка-распашонка. Светлая, но шторы задернуты, и казалось, что здесь всегда полумрак и вечер.

Расположились в зале на диване. Хозяйка встала напротив и мелко заламывала пальцы. Явно волнуется.

– По нашим сведениям вы занимались в секции дзюдо в студенчестве и подверглись домогательству со стороны тренера, – прямо высказалась Света. – Расскажите, пожалуйста, об этом.

– Вообще-то Лев Палыч много к кому клеился, – пожал плечами Юлия. – Такой уж он человек. Ловелас. Любил студентов.

Света только кивнула.

– А что произошло с вами?

– Да ничего особенного, оказывал знаки внимания. Когда приемы показывал, слишком уж тесно на контакт шел. Как бы невзначай. Вот я секцию и бросила.

Лицо ее скривилось, будто она только что задела что-то мерзкое и липкое.

– Я понимаю, что вам трудно об этом вспоминать, – Света говорила мягко, но в то же время настойчиво. – Вы поймите, возможно, от его действий пострадали не только вы. Нам важно знать, что все-таки произошло. Да вы присаживайтесь. Мы хотим помочь.

– Сколько времени-то уже прошло, – хозяйка села на самый краешек кресла, готовая вскочить. – К чему все это?

– Вы написали на Воеводина заявление об изнасиловании. Материал зарегистрирован в УВД. А потом пошли на попятную. Так?

– Только мужу не говорите, – выдохнула Юлия. – Он его тогда убьет. Попытается. Но Воеводина так просто не возьмешь. Опасный он тип. Я не за себя боюсь, за мужа.

Вон оно что. Я изо всех сил старался не отвечивать, будто меня тут и нет, и слушать.

– Все, что вы скажете, останется в рамках дела, без официальной фиксации. Как оперативная информация. Вас никуда не будут вызывать, вам не надо будет нигде расписываться. Так устроит?

Света предложила сделку. Молодец. Раз не получается вывести ее на официальные показания, пусть пока хотя бы так нам все расскажет. Лучше, чем ничего.

– Ну хорошо, – кивнула Юлия, обхватив колени. – Воеводин этот в карты любил играть. В «тысячу». Однажды после тренировки предложил остаться мне и моей подружке. Сыграть.

– В «тысячу»? – с недоумением переспросила Света.

– Да, его любимая игра. Я тогда совсем молоденькая была. Дура. Да и тренер мне, признаться, нравился. Мы сидели и играли в раздевалке, когда все разошлись. Вроде невинная игра. Хихикали, он шутил. Потом достал откуда-то бутылку шампанского. Сказал, что выпить нам сегодня можно, ведь накануне мы на областных соревнованиях почти весь призовой комплект забрали. Даже пединститут обставили. Так всё естественно прозвучало. Мы выпили, расслабились, а Воеводин вдруг предложил играть на раздевание. Якобы, чтобы мотивация лучше была, адреналин. Подружка моя отказалась и ушла. Ну, мне что-то там подмигивала. А я дура... Осталась. Я так-то не пила раньше. А тут в голову алкоголь ударил. Не знаю, что на меня нашло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.